

Олекса Гайворонский
ХАНСКИЙ ДОМ

THE HOUSE OF KHANS

by Oleksa Haiworonski

63.3 (4 чер - 6 ерм)
Г-12

Бахчисарайский
государственный
историко-культурный
заповедник

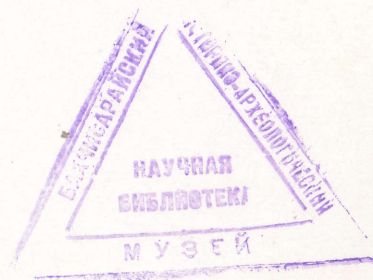
Олекса Гайворонский

Oleksa Haiworonski

ХАНСКИЙ ДОМ
THE HOUSE OF KHANS

9454

Энергия+
информационно-издательское бюро

У истоков Бахчисарайской долины: Салачикское ущелье
At the source of the Bakhchisaray valley: Salaçiq gorge

ВСТУПЛЕНИЕ

В Бахчисарае несколько столетий бытует легенда о том, что давным-давно Бахчисарайская Долина от края и до края была руслом огромной реки. Некоторые романтически настроенные путешественники прошлых веков даже будто бы видели здесь железные кольца, вбитые в вершины скальных обрывов для швартовки неведомых кораблей.

Это очень красивая легенда, и в нее позволительно даже поверить на минуту, любуясь с окружающих город высот на великолепное «русло» этой фантастической реки, на дне которой, как в чаше, рассыпано хаотичное разноцветье красных и серых крыш, зеленых дворишков, извилистых переулков, разномастных домишек.

Речушка Чурук-Су, змеящаяся по дну Долины, пересекает поистине «концентрированное» пространство. На протяжении каких-нибудь 9 километров своего пути она успевает пробежать через горное ущелье меж двух отвесных скальных

INTRODUCTION

There is a legend, which appeared centuries ago, that Bakhchisaray Valley was a bed of a large river once. Some romantic travellers of the past centuries saw iron rings there, hammered in rocky precipice tops allegedly for mooring mysterious ships.

This is a nice legend, and one may believe in it for a minute, observing from mountain heights that surround the town admiring magnificent «bed» of this fantastic river, where at the bottom, like in a cup, red and gray roofs, green yards, winding alleys and various little houses are scattered in a chaotic manner like a riot of color.

The Çürük Su river meandering at the bottom of the Valley, crosses a really «concentrated space». Over some nine kilometers of its way it manages to run through a mountain gorge between two bluffs, then to enter generous

стен, войти оттуда в щедрые отлогие берега Бахчисарайской долины и, наконец, вырваться на простор обширной низины, покрытой степными травами, чтобы здесь слиться с рекой Качей и продолжить свой путь далее на закат — к морю, хорошо видному с Бахчисарайских высот.

Там, где Чурук-Су выходит из долин на равнину, пролегал давняя прозрачная граница, отделяющая два великих мира: Горы Средиземноморья и Евразийскую Степь. Уютная долина Чурук-Су была истинной находкой для всех, кто на протяжении тысячелетий когда-либо появлялся в этих краях, странствуя равнинами в поисках убежища, покоя и жилища.

Первые люди поселились здесь еще сорок тысяч лет назад. Неудивительно, что чаша этой Долины за многие века наполнилась богатейшим даром колоссальной исторической памяти.

banks of the Bakhchisaray Valley and, finally, to break free to the vast lowland, vested with steppe grasses, to flow into the Qaç river here and to continue its further way to the West — to the sea, seen well from Bakhchisaray heights.

Where Çürük Su runs out from valleys to the plain, an old conditional border lies, separating two great worlds: the Mountains of Mediterranean and the Plains of Eurasia. Over thousands years the well sheltered Çürük Su valley was a true discovery for anyone who has ever come to this land, travelling across the plains to find a shelter, rest and abode.

The first humans settled here forty thousand years ago. It is naturally then that the «cup» of this valley has been for many centuries filling with the reach gift of historical memory.

РОЖДЕНИЕ СТОЛИЦЫ

Последняя застава византийского мира

К моменту своего знакомства со средиземноморской цивилизацией Долина была уже весьма обжитым местом. Человеческие голоса — на языках, которые уже никто никогда не услышит — не смолкали здесь с того времени, когда в ее ущельях обосновались неандертальские охотники на диких ослов. С тех пор множество стоянок, поселков, кладбищ возникало и бесследно исчезало здесь на протяжении тысячелетий. Земля Бахчисарайской Долины хранит многочисленные следы разнообразных древних культур — и эта археологическая летопись еще весьма далека от окончательного прочтения.

Наиболее древние поселения располагались в том ущелье, где речка Чурук-Су берет свое начало. Среди прочих, тут найдены и поселения тавров (народа, которому из всех прочих жителей полуострова посчастливилось первому попасть в

BIRTH OF THE CAPITAL

The last outpost of the Byzantine oecumena

When Mediterranean civilization came here, the valley was an old-inhabited place. Human voices in languages that none will hear anymore were not ceasing here since the time when Neanderthal onager-hunters settled in the gorges. From then on, over thousands years a multitude of sites, settlements, cemeteries appeared and disappeared here without leaving a trace. The land of Bakhchisaray Valley keeps numerous vestiges of different ancient cultures, and this archeological history is rather far from being read completely.

The most ancient settlements were located in the gorge at the source of the Çürük Su river. Among others, the settlements of the Tauris (the people, who were lucky enough to be mentioned in the works of ancient authors first

произведения античных авторов и тем самым сохранить память о своем имени на века).

Античный мир хорошо знал лишь прибрежную часть полуострова, степи и горы которого оставались для древних писателей малоизведанными территориями. Так продолжалось и в византийские времена: Херсонес (где позже встанет Севастополь) был «своим», хорошо знакомым и обжитым городом, а за его пределами начиналась уже гораздо менее освоенная территория, которая по мере отдаления от прибрежных центров средиземноморской культуры все более подпадала под контроль «варварских» народов.

Долина реки, которой в будущем суждено было носить имя Чурук-Су, лежала как раз у той «последней заставы», где влияние мощной южной империи сходило на нет. В эту эпоху здешнее древнее поселение на скалистых обрывах усилиями византийских военных инженеров и их местных союзников стало

among others and thus memory of them has been kept over centuries) were found here.

The Ancient World knew well only the littoral part of the peninsula, while plains and mountains left little-investigated territories for ancient geographers. The same way it lasted in the Byzantine time: Chersonesos (where Sevastopol was to rise later) was a well-known city, while a less developed territory outside it was as much controlled by «Barbarians» as farther it laid from littoral urban centers.

The valley of the river, which was to be named Çürük Su later, lied exactly at that «last outpost», where the influence of the powerful Mediterranean Empire was coming to naught. During that epoch, by efforts of the Byzantine military engineers and their local allies, an ancient settlement on rocky precipices became a fortress, one of the most remote outposts of the Byzantine

крепостью — одним из наиболее удаленных форпостов византийских влияний на северо-востоке (эта крепость в будущем стала известна как Кырк-Ер, а еще позже — как Чуфут-Кале). Дальние горизонты, обозреваемые с наблюдательных пунктов твердыни, являлись для византийцев уже зарубежьем.

Здесь к последнему укреплению средиземноморского мира вплотную подступала Великая Степь. Для местных жителей она не была чем-то совершенно чуждым: все их предки (кроме тех, кто прибыл сюда с юга на кораблях) в ту или иную эпоху пришли через эти равнины к зеленым склонам гор и осели в них навсегда. Из века в век на равнинных горизонтах появлялись стада и кибитки очередных поселенцев, ищущих в горах спасения от более сильных соседей. Через несколько сотен лет многим из этих соседей приходилось уже самим искать прибежища в горных ущельях, повторяя путь предшественников.

influences in the northeast (later, that fortress became known as Qırq Yer, and even later — as Çufut Qale). The distant skylines surveyed from observation posts at the stronghold, were the alien land for Byzantines.

There, the Great Steppe closely approached to the last outpost of the Mediterranean world. It was not something completely alien for the locals whose ancestors (except for those who came to Crimea from the South on ships) came there in different epochs through the same Steppe to the green slopes of the mountains and settled there forever. Century by century, herds and nomad tents of new settlers appeared at plain horizons, seeking escape in the mountains from their more powerful neighbors. After some centuries, many of these neighbors had to seek a shelter themselves in the gorges, repeating the way of their predecessors.

Укрепления Чуфут-Кале
Çufut Qale defences

Страна Малых Алан

Империям свойственно возвышаться и падать. Так случилось и со средиземноморской сверхдержавой. Византия в силу множества причин теряла свои позиции в зависимых землях. Не стала исключением и Долина: к 13 веку здесь возникло полунезависимое княжество. Во главе его стояли перенявшие византийскую религию и культуру князя аланского происхождения — и в землеописаниях той эпохи край именуется Страной Асов или Страной Малых Алан.

К тому времени в степях и предгорьях полуострова уже на протяжении столетий звучала тюркская речь: знаменитое Скифское царство давным-давно уступило свое главенство в степях другим народам, среди которых на первое место вскоре выдвинулись тюрки. Их степная империя с веками меняла свое обличье: на смену хазарским каганам

The country of the Minor Alanians

The way of empires is to rise and to fall. Thus happened to the Mediterranean superstate as well. Byzantium could not hold its ground in the dependent lands forever. The valley was no exception: a kind of self-standing principedom appeared here by the 13th century. Its governors were Alanian princes, who adopted Byzantine religion and culture, and geography of that epoch named that land the Country of Ases or the Country of Minor Alanians.

By that time, Turkic speech had already been sounding in plains and foothills of the peninsula for several centuries. Very long time ago the famous Scythian State had conceded its domination in the Steppe to other powers,

пришли печенежские правители, а их сменили кипчакские (половецкие) ханы. Князья горных крепостей признали верховенство кипчаков над своими владениями, выплачивая им дань.

among which Turkic peoples soon rose. Their steppe empire was constantly changing its appearance during centuries: Qazarians were replaced by Bacanaqs (Pechenegs), who in turn were replaced by Cumanians (Qırçaqs). Princes of the mountain fortress acknowledged leadership of the Cumanians, paying tribute to them.

Средние оборонительные ворота Чуфут-Кале
Çufut-Qale middle defensive gate

Ордынский Кырк-Ер

В первой половине 13 столетия произошло важное событие: монгольские войска, разгромив кипчаков на Северном Кавказе и в Причерноморье, захватили и их владения на полуострове. Массы тюрок, согнанные завоевателями с прежних мест, двинулись с материка на равнины полуострова.

О каких-либо военных походах монголов на Кырк-Ер сведений нет. Вероятно, завоевание поначалу отразилось на жизни крепости лишь тем, что теперь сюда вместо кипчакских сборщиков дани стали приходить ордынские. Однако со временем власть аланских князей пала (скорее всего, это случилось на рубеже 13 и 14 столетий, когда в бурных перипетиях внутриордынской борьбы за власть эмир Ногай разорил города своих конкурентов — крымских ордынцев — не пощадив

Qırq Yer in the time of the Golden Horde

An important event took place in the first half of the 13th century: the Mongolian armies, having crushed Cumanians at the Northern Caucasus and at the Black Sea Coast, occupied former Cumanian possessions on the peninsula. Masses of Turkic tribes, driven by the conquerors from their previous habitations, moved from the continent to the plains of the peninsula.

There are no information on any military campaigns of Mongols to Qırq Yer. Probably, the only effect of the invasion was that Cumanian tribute collectors were replaced by those of the Horde. However in course of time, the authority of Alanian princes fell down. Most likely, it happened on the boundary of the 13th and the 14th centuries when in severe trials of intestine rivalry for power in the Horde emir Noğay had mercilessly ruined cities of his

Дюрбе Джаныке-ханым на Чуфут-Кале
Dürbe of Canike Hanım at Çufut Qale

заодно и Кырк-Ер). Отныне крепость с годами всё более стала обретать облик типичного ордынского города.

Существуют предания о том, что Джучи-хан, сын Чингиз-хана, построил в селении Салачик у подножия Кырк-Ера ханский дворец. Говорилось и о мечетях, возведенных там же на заре ордынской эпохи (т. е. еще до того, как Ислам стал главенствующей религией в Орде).

Первый ханский дворец, далекий предшественник Бахчисарайского?

Да, именно он. Имеется его старинное описание: это было обнесенное стенами каменное строение с железными воротами и мечетью. Едва ли Джучи-хан (никогда не бывавший в Крыму) действительно имел отношение к его постройке, но, с другой стороны, представители ордынских властей в Долине должны были иметь здесь какую-то резиденцию.

competitors in Crimea including Qırq Yer. Gradually former residence of the Alanian princes got typical look of a Golden Horde settlement.

There are legends that Cuçi Khan, a son of Jenghiz Khan, built a khan palace in the settlement of Salaçıq at the bottom of Qırq Yer. The legends, also, mention a mosque erected at the same place in the beginning of the Golden Horde's epoch (i. e. even before Islam was introduced as the state religion of the Horde).

So, wasn't it the first khan palace, a far predecessor of the Bakhchisaray Palace?

It was, exactly. There exists an ancient description of it: the palace had the look of a stone construction enclosed with walls with an iron gate and a mosque. Hardly Cuçi Khan (who had never been in Crimea) had concern in its construction, but, on the other hand, representatives of authorities of the Horde in the valley should have any residence there.

Возникновение Крымского ханства

С течением столетий имя монголов стало в Орде тем же, чем в свое время стало имя норманнов для Древней Руси — лишь воспоминанием о дальних предках правящей династии. Кипчаки, когда-то покоренные монгольским оружием, взяли мирный реванш: из-за их преобладающей численнос-

Rise of the Crimean Khanate

In course of centuries, Cumanians, once conquered by the Mongolian weapon, gained a peaceful revenge: because of their prevail-

ти Золотая Орда весьма скоро превратилась в тюркское государство.

Эта империя была тоже не вечна. В конце 14 столетия начался ее закат. Орда приходила в упадок, а ее южная окраина, Крым, напротив, входила в эпоху расцвета: полуостров, оказавшийся на перекрестках новых путей международной торговли, богател и процветал. Смешение кипчаков

ing number the Golden Horde rather soon turned from a Mongol to a Turkic state.

This empire was not eternal too. Its decline began in the end of the 14th century. The Horde decayed while its southern outlying province, Crimea, on the contrary, entered an epoch of flourishing: the peninsula which became the crossroads of new ways of international trade, grew rich and prospered. Assimilation of Cumanians with peoples of mountains led to formation of a new local people which was not similar to inhabitants of other parts of the Empire. The Crimean deputies of khans of the Horde had already got used to rely only on their own forces, less depending on the supreme rulers, who were losing the real power.

Де Палдо. Салачик. Гравюра
Salaçiq. An engraving by de Paldeau

Мавзолей Хаджи Герая в Салачике
Mausoleum of Hacı Giray in Salaçıq

с народностями гор вело к формированию нового местного народа, несхожего с прочими жителями Орды, а крымские наместники ордынских ханов давно уже привыкли полагаться лишь на собственные силы, мало завися от утративших реальную власть верховных правителей.

Всё шло к тому, что Крым в конце концов порвал связь с обесиленной империей и стал отдельным государством. Первым независимым ханом Крыма был Хаджи Герай — ордынских наместников Крыма, чьи корни восходили к Чингиз-хану (это было важно, ведь законно претендовать на титул хана могли только потомки Чингиза). Хаджи Герай много лет боролся за власть и окончательно утвердился на престоле в 1440-х годах.

Этот престол встал в здешней Долине. После того, как Хаджи Герай перенес сюда из г. Кырым (ныне Старый Крым) ханскую столицу, Кырк-Ер с его округой из локального центра превратился в общегосударственный.

Зынджирлы-медресе
Zincirli Medrese

All this made Crimea less depending of the weakening empire and turning into a separate state. The first independent khan of Crimea was Hacı Giray — a descendant of those Crimean governors, who traced their roots back to Jenghiz Khan (it was important, in fact, that only descendants of Jenghiz could lawfully apply for a title of khan). Hacı Giray struggled for power for about 20 years and finally ascended the throne in the 1440s.

His throne was grounded on the land of the valley, where Hacı Giray transferred khan's capital from Qırım (nowadays Staryj Krym). Then Qırq Yer and its neighborhood grew from a local center into the nationwide one.

Салачик — первая ханская столица

Сын Хаджи Герая, Менгли I Герай — один из великих правителей в истории Крыма — шагнул гораздо далее, чем его отец. Он задался целью стать повелителем всей бывшей Золотоордынской империи. После десятилетий упорной

Salaçıq — the first khans' capital

A son of Hacı Giray, Meñli I Giray — one of greatest rulers in the history of Crimea — had got more ambitious plans than his father. He strove for gaining control over the whole Golden Horde Empire. After decades of persistent

борьбы Менгли I Герай в 1502 году разгромил ордынскую столицу на Волге и принял титул хакана — хана над ханами — принадлежавший до тех пор исключительно верховным правителям Орды.

Ханская ставка в Салачикском ущелье превратилась (по крайней мере, с точки зрения самого Крыма) во всеимперскую столицу.

Мало кто вспоминает сейчас, что когда-то жители долины Чурук-Су почитали ее центром огромной страны, протянувшейся от Днестра до Урала и от прикаспийских песков до таежных дебрей. У

struggle, Meñli I Giray destroyed the capital of the Golden Horde on the Volga river in 1502 and adopted the title of *haqan* (the khan over khans; this title previously belonged to the rulers of the Golden Horde).

Khan's quarters in Salaçıq gorge turned into the capital of the whole empire (at least, from the point of view of the Crimea).

Few recollect now that there was a period when the inhabitants of the Çürük Su valley thought it the center of a large country,

Крыма так и не получилось собрать под свое крыло все бывшие владения Золотой Орды — но это станет ясным лишь десятилетия спустя; а сейчас хакан Менгли I Герай, хан над ханами, с победой вернулся в свою Долину, которая давно уже ожидала этого дня и готовилась к нему. Столица загодя украсилась новыми зданиями — такими, какими и подобает украшать столицу великой империи.

Еще в последние годы 15 столетия Менгли I Герай начал в Салачике обширное строительство, преобразив его в настоящий столичный

which occupied an area from the Dnister up to the Ural and from Caspian deserts up to taiga forests. Crimea did not manage to gather all former possessions of the Golden Horde under its wing, which fact, however, became evident only some decades later. But then, in 1502, *haqan* Meñli I Giray, khan over khans, returned in triumph to the valley having been anticipating and preparing this day for a long time. The capital had already been decorated with new buildings worthy the capital of a great empire.

Вход в Зынджирлы-медресе
Entrance to Zincirli Medrese

город: помимо старого «дворца Джучи-хана», тут встала новая ханская резиденция Девлет-Сарай («Дворец Счастья»), соборная мечеть, высшее религиозное учебное заведение Зынджирлы-медресе и великолепный мавзолей (дюрбе) над могилой Хаджи Герая. Надписи, высеченные на порталах дворца и мавзолея, титуловали Менгли I Герая высоким саном хакана.

In the very end of the 15th century, Meñli I Giray began extensive building works in Salaçıq, having changed it into a real capital: besides the old «palace of Cuçi Khan», the new khan's residence called Devlet Saray (*Palace of Happiness*) was built in Salaçıq with a mosque, a higher religious educational institution called Zincırlı Medrese and a magnificent mausoleum

Ханский дворец в Салачике был окружен изумительным садом Ашлама, для рассказа о цветущих деревьях, гиацинтах и тюльпанах которого турецкому путешественнику 17 в. Эвлии Челеби приходилось искать аналогии лишь в описаниях рая. Нам остались только эти описания — ведь от Девлет-Сарая, как и от «дворца Джучи-хана» не осталось даже руин. Впрочем, некоторые постройки первой ханской столицы стоят в Салачике поныне: это гробница первых крымских ханов и древнее Зынджирлы-медресе. Отсюда же (как можно с основанием полагать) в Бахчисарайский дворец был впоследствии перенесен портал Демир-Капы.

Ущелье было перекрыто стеной, ворота в которой служили входом в город. Пространство за стеной наполнялось всё новыми домами, постоянными дворами, медресе, мечетями, банями.

Резные орнаменты на мавзолее Хаджи Герая
Carved ornaments on the Mausoleum of Hacı Giray

(*dürbe*) over the grave of Hacı Giray. The stone-carved inscriptions were walled into the portals of the palace and the mausoleum titled Meñli I Giray with the high title of *haqan*.

The khan palace in Salaçıq was surrounded with an amazing garden called Aşlama. Evliya Çelebi, a Turkish traveller of the 17th century, describing its blossoming trees, hyacinths and tulips managed to find proper comparisons only in paradise. No more than descriptions have remained from the palace till now, as both of them, Devlet Saray and «the palace of Cuçi Khan» did not leave even ruins. However, some constructions of the first khans' capital still remain in Salaçıq: the mausoleum of the first Crimean khans and ancient Zincırlı Medrese. From there (as we may reasonably suppose), portal Demir Qapı subsequently was transferred to the Bakhchisaray Palace.

The gorge was blocked with a wall, the gate in which served as an entrance to the town behind the wall. Salaçıq was constantly growing and new houses, hostels, *medreses*, mosques and baths emerged in it.

Сахиб I Герай — основатель Бахчисарая

Крымское ханство обустроивалось и развивалось. Могла ли столица динамично набирающего силу государства и далее оставаться запертой в скальной расщелине? В райских садах Салачика в 1503 г. уже родился человек, которому было суждено открыть этот «шлюз» и стать основателем нового, знаменитого города. Им был Сахиб I Герай, сын Менгли I Герая.

Ему довелось много странствовать за пределами родной долины: за первых 30 лет своей жизни Сахиб I Герай успел побывать и на ханском троне в Казани (воплощая мечту отца о покровительстве Крыма над Поволжьем и Прикаспием), и при султанском дворе Стамбула. Взойдя в 1532 г. на крымский престол, Сахиб I Герай начал осуществление своих реформаторских замыслов с обустройства новой столицы.

То место, где сегодня стоит Бахчисарайский дворец, было занято, как можно судить, обширными садами. Среди них

*В. Яновский. Эски-Дюрбе. Акварель
Eski Durbe. A painting by W. Janowski*

встречались одинокие усадьбы местной знати. Вдоль речки, протекавшей через сады, тянулась оживленная дорога от Салачика к равнинам. Здесь, на берегу реки, правитель и поставил возвести новый ханский дворец.

Среди садов была устроена легкая беседка с фонтаном, а вскоре здесь поднялись стены первых каменных зданий: вна-

Sahib I Giray — the founder of Bakhchisaray

The Crimean Khanate was rapidly evolving and developing. Could the capital of a state dynamically gaining in strength remain closed in a rocky crevice further? In the paradise gardens of Salaçiq, in 1503, a person destined to open this «sluice» and to become the founder of a new, well-known city had been born already. He was Sahib I Giray, a son of Meñli I Giray.

He was to travel much outside his native valley: during the first 30 years of his life Sahib I Giray managed to be the khan of Qazan (embodying his father's dream of patronage of Crimea over the Volga and Caspian regions),

and then a guest of the sultan's court in Istanbul. When Sahib I Giray ascended the Crimean throne in 1532, he started his reforms from establishing a new capital of the Khanate.

The place where the Bakhchisaray Palace stands today was occupied, to all appearances, by large gardens with lonely manors of local nobility among

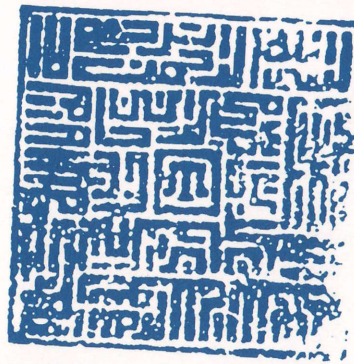
чале Большой Ханской мечети, а за ней — бани Сары-Гюзель. Потом к ним прибавились зал для заседаний ханского совета, жилые покои хана и прочие постройки. Так в 1532 г. было положено начало новой ханской резиденции под названием «Багчэ-Сарай» — «Садовый Дворец».

Вслед за этим в просторную речную долину хлынула из горных теснин городская жизнь. Всего за несколько лет горные склоны вокруг Дворца покрылись паутиной извилистых улиц и заперстели черепичными крышами. Городок перенял название ханской резиденции — Бахчисарай.

them. Along a small river streaming through the gardens, a busy road was going from Salaçıq to the plains. There, the ruler decided to erect a new khan's palace on the river banks.

A light arbor with a fountain was set among the gardens, and soon the walls of the first stone buildings rose there: at first, the Big Khan Mosque, and later a bath called Sarı Güzel. Then, an assembly hall, khan's apartments and other constructions appeared. Thus the new khan's residence called *Bağçe Saray (Garden Palace)* was founded in 1532.

After that, the city life poured into a spacious river valley from mountain gorges. Just in few years, a network of streets covered hillsides around the Palace, and tile roofs gleamed there.

Край, который без малого тысячу лет привык быть столицей — византийским форпостом, гнездом аланских князей, ордынским наместничеством, столицей великой империи — отныне стал по-настоящему мощным центром, который прочно утвердил свою власть далеко за пределами полуострова и во многом определял исторические судьбы Восточной Европы.

Городские кварталы спускались все ниже по течению Чурук-Су, а невидимая река исторической памяти, плывущая берегами Долины, становилась с каждым поколением все более полноводной.

The small town inherited the name of the khan's residence — Bakhchisaray.

The locality which had got used to be a capital for almost a thousand years and remembered its status of a Byzantine outpost, the nest of Alanian princes, the center of a Horde's governorship, the capital of a great empire, henceforth became truly powerful center which strengthened its power far outside the peninsula and in many respects defined historical destinies of East Europe.

City quarters went downstream Çürük Su, and the invisible river of historical memory, running between the valley banks, became more and more affluent with each new generation.

4576

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Ханский Дом

Самая большая и роскошная из всех столиц, существовавших в Долине на протяжении столетий... В жизни каждого (лишь с двумя исключениями) крымского хана, правившего после Сахиба I Герая, был незабываемый момент, когда он торжественно проходил через главные ворота Дворца, чтобы воссесть здесь на престол предков и перенять от них власть над Крымской страной.

Дворец многокрасочен и многогранен. Его можно видеть и воспринимать очень по-разному. Мы постараемся взглянуть на него прежде всего как на дом, в котором на протяжении двух с половиной столетий проживали разные поколения многочисленной и почтенной семьи.

Дворец прежде всего являлся родовым очагом — самым главным из разбросанных вокруг Черного моря отдельных се-

THE BAKHCHISARAY PALACE

The House of Khans

The biggest and the most magnificent capital ever stood in the valley over centuries... In the life of any Crimean khan (with only two exceptions), who ruled after Sahib I Giray, there was an unforgettable moment, when he solemnly passed through the main gate of the Palace to sit there on the throne of his ancestors and to inherit the power over the country of Crimea.

The Palace is many-splendored and has many faces. It can be seen and perceived highly differently. We would try to look at it first of all as at the house where different generations of a large and respectable family lived for two and a half centuries.

Above all, the Palace was a patrimonial center — the most important one among smaller estates of the Giray dynasty scattered by the shores of the

мейных очагов династии Гераев. Дворец олицетворял и странно, и саму ханскую семью — и почти каждый правитель считал за честь сделать какой-либо вклад в великолепие родового центра. Потому многие ханы ставили здесь себе вечные памятники, дополняя Дворец новыми постройками — они вставали рядом с сооружениями, возведенными предшествующими правителями, и таким образом подчеркивали неразрывную связь разных поколений династии.

Как говорит Эвлия Челеби, «каждое строение построено кем-нибудь из падишахов» (т. е. из ханов). И действительно: памятником Сахибу I Гераю служил сам Бахчисарай, его имя носила главная мечеть Дворца. В новую резиденцию из прежнего Девлет-Сарая бережно перенесли прекрасный монумент царствованию Менгли I Герая — портал Демир-Капы. При Девлете I Герае у стен мечети, насколько можно судить, появилось первое дюрбе, при Исляме III Герае — вто-

Black Sea. The Palace personified both the country, and khans' family itself, and almost each ruler considered it an honor to make his own contribution to the magnificence of the patrimonial center. Therefore, many khans created eternal monuments of themselves adding new constructions to the Palace, that arose alongside with the constructions erected by previous rulers. Thus indissoluble links between different generations of the dynasty were emphasized.

As Evliya Çelebi told, «each building is constructed by one of the padishahs» (i.e. of khans). And he was right: a monument to Sahib I Giray was Bakhchisaray itself, and the main mosque of the Palace was named after him. Demir Kapı Portal, carefully moved from the former Devlet Saray, was a fine monument to the reign of Meñli I Giray.

As far as we know, the first *dürbe* (mausoleum) appeared at the Khan Cemetery at the time of Devlet I Giray, another *dürbe* and the second

рое дюрбе и второй (после главного, построенного основателем Дворца) зал собраний, а при Бахадыре I Герае — еще одно помещение для официальных приемов. Мехмед IV Герай выстроил тут новые бани. Каплан I Герай увековечил память о себе сооружением Золотого фонтана. Селямет II Герай возвел беседку, названную его именем. Имя этого же хана запечатлено на многих зданиях Дворца, восстановленных Селяметом II Гераем из руин после вторжения иноземных войск. Арслан Герай построил медресе рядом с Ханской мечетью. Крым Герай возвел прекрасное дюрбе Дилъры-бикеç, «Фонтан слез» и богато украсил внутренние покои Дворца.

С абсолютной несомненностью этот список должен быть гораздо шире — но многие постройки бесследно исчезли за последние столетия, а о прочих мы не имеем точных сведений, кто именно их строил и украшал.

К. Боссоли. Бахчисарай. Литография
Bakhchisaray. A lithography by C. Bossoli

assembly hall were built under İslâm III Giray, and one more hall for official ceremonies was constructed by Bahadır I Giray. Mehmed IV Giray erected new baths in the Palace while Qaplan I Giray memorialized himself with the Golden Fountain. Selâmet II Giray constructed an arbor named after him. The same name was inscribed on several buildings of the Palace restored by Selâmet II Giray from ruins after a destruction of the Khan Palace by foreign troops. Arslan Giray built a *medrese* (educational institution) near the Big Khan Mosque. Qırım Giray built the *dürbe* of Dilâra bikeç, «The Fountain of Tears», and decorated interiors of the Palace.

The plain truth is that this list should be much longer. However, many constructions have vanished over the past two centuries, and we have no data on those who exactly built and adorned other constructions.

Дворцовая площадь

В одной из декоративных надписей на стенах ханских покоев Дворец поэтически именуется «ниткой морского жемчуга». Сравнение изящное и не лишённое меткости: сооружения Дворца действительно уместно сравнить с ниткой разноцветных и разнокалиберных бусин, уложенных вокруг Дворцовой площади.

The Palace Square

One of decorative wall-inscriptions in khans' apartments names the Palace «a string of sea pearls». It's quite an apt metaphor, as constructions of the Palace may really resemble a string of colored beads of different size, laid around the Palace Square.

Сегодня площадь выглядит как тенистый парк, однако в ханские времена она была лишена деревьев, являя собою открытое пространство. Атрибуты земного рая — роскошная зелень, разнообразие цветов, струящиеся потоки родниковой воды — переполняли закрытые внутренние дворики, чьи стены выходили на площадь.

На горном склоне за Дворцовой площадью были устроены террасы с садом — подобием «висячих садов Семирамиды». Этим достигался своеобразный эстетический эффект (недоступный ныне, когда площадь засажена деревьями): горный склон был превращен в живописную ландшафтную декорацию из пышной растительности, на фоне которой особенно выразительно выделялась изысканная архитектура Дворца.

Площадь сообщалась с городом через двое ворот, над которыми были устроены надвратные башни. Эти башни имели скорее декоративное, нежели оборонительное значение. Дворец, хотя и был обнесен стенами, не был укреплен: фортифика-

Today, the Square looks like a shady park, but in the times of khans, it was an open space free from trees. Attributes of a paradise on the earth — splendid verdure, variety of flowers, streams of the spring water — overfilled closed inner courts the walls of which faced the Square.

Terraces with gardens similar to the hanging gardens of Babylon were arranged on the hillside behind the Palace Square. It resulted in a special aesthetic effect (which is impossible now, when the Square is planted with trees): the hillside behind the Palace was turned into a picturesque landscape decoration of opulent vegetation. Such a background expressively emphasized the exquisite architecture of the Palace.

The Square opened into the city through two gates in towers. Those towers were rather decorative than defensive (to a word, the whole Palace, though it was enclosed with walls, was not fortified: the valley itself was a natural for-

Северные ворота, вид с набережной
The Northern Gate seen from the quay

кацией для него служила сама долина, по краям которой в случае надобности расставлялись орудийные расчеты. Одна из скал, выступающих в долину на подступах ко Дворцу, так и называется: Топ-Кая, «пушечная скала»).

Северные ворота, главный вход на территорию Дворца, именовались Дарбехане-Капы. *Дарбехане* в переводе — *чеканный* (т.е. монетный) двор. Это заведение с 17 столетия располагалось где-то среди городских кварталов на склоне, противоположном входу в Ханский Дворец.

Южные ворота получили свое название Багча-Капы («садовые ворота») благодаря своему соседству с «бахчами», т. е. теми самыми террасами «висячих садов».

Несмотря на отсутствие фортификаций, Дворец, конечно же, охранялся. В нем на всякий случай держали несколько малых орудий, а в постройках, примыкающих к надвратным башням, размещался гарнизон капы-кулу — мушкетных и ружейных стрелков, крымского аналога турецких янычар.

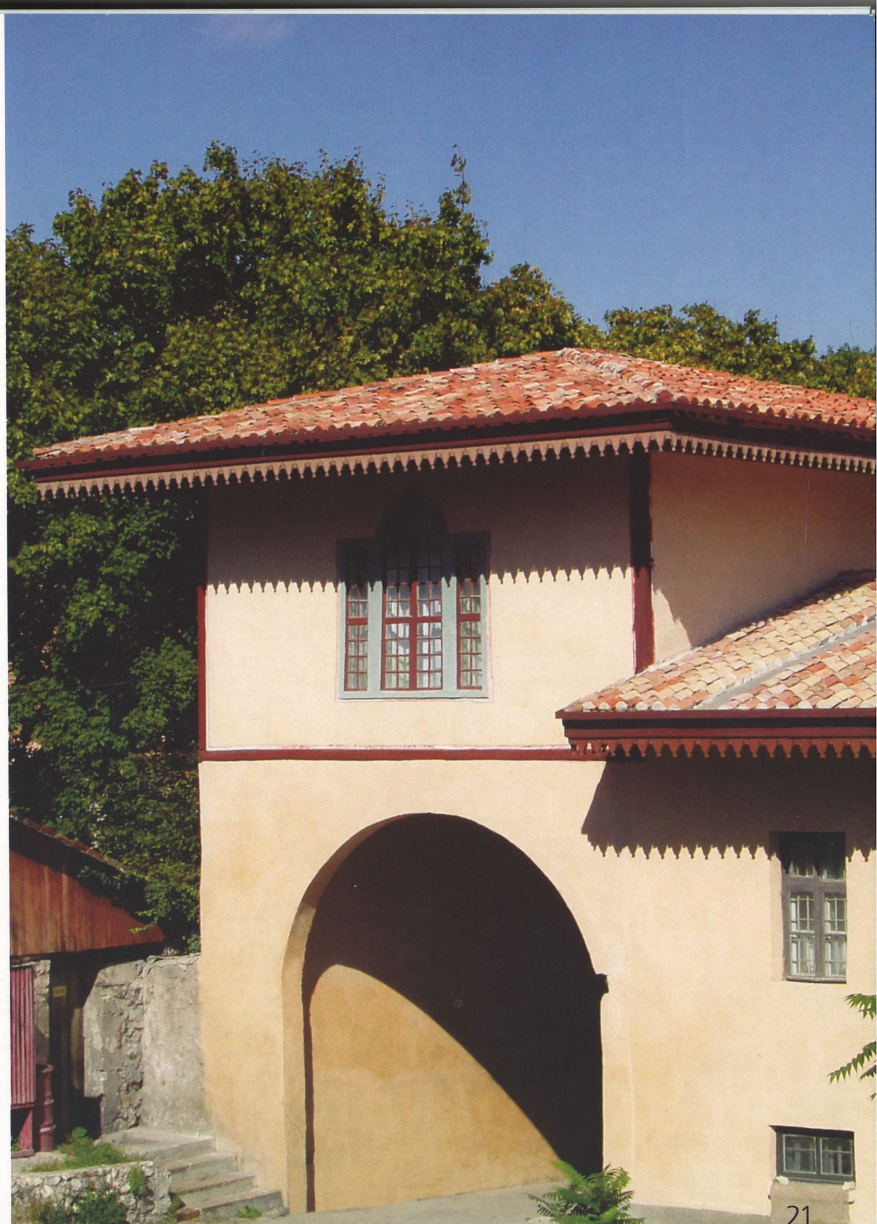
tification, and guncrews were placed along the edges of the valley when it was necessary. One of the rocks flaring over the approach to the Palace was called Top Qaya, *the Cannon Rock*).

The Northern Gate, the main entrance to the Palace, was called Darbehane Qapı. *Darbehane* means *mint*. A mint was located since the 17th century somewhere among city blocks on the hillside opposite to the entrance to the Khans Palace.

The Southern Gate was called Bağçe Qapı (*a Garden Gate*) due to neighboring *bağçe*, i. e. the mentioned Garden Terraces.

In spite of a lack of fortifications, the Palace, nevertheless, was well-guarded. To be on the safe side, several cannons were kept in the Palace, and a garrison of *qapı halq* or riflemen (a Crimean analogue to Turkish janissaries) was placed in the buildings adjoining the Northern Gate.

Южные ворота
The Southern Gate

Большая Ханская мечеть

«Машалла!» — так читается верхняя каллиграфическая надпись на той стене Большой Ханской мечети, что выходит на Дворцовую площадь. То же восклицание изображено и в цветном витраже внутри мечети. Этим арабским словом выражается возглас восхищения, которого эта выдающаяся постройка действительно заслуживает.

Большая Ханская мечеть (она же Мечеть Сахиба I Герая) — старейшая постройка во всём Дворце. Именно в ее фундамент легли первые камни, когда в 1532 г. Сахиб I Герай приказал возвести здесь новую ханскую резиденцию. Есть старинная зарисовка, показывающая: изначально здание выглядело несколько иначе и имело не четырехскатную черепичную крышу, как ныне, а несколько куполов. Сегодняшний облик мечети сложился в середи-

Big Khan Mosque

«Mashallah!» — this exclamation could be read in a calligraphic inscription on the Big Khan Mosque's wall facing the Palace Square. The same exclamation is reproduced on a stained glass window inside the Mosque. This Arabian word expresses a cheer of admiration, which this prominent building does deserve.

The Big Khan Mosque (called also the Mosque of Sahib Giray) is the oldest construction in the Palace. It was its foundation, where the first stones were laid, when Sahib I Giray ordered to erect the new khan's residence in 1532. An ancient drawing shows that initially the building looked in a different way: it had several domes instead of the

Общий вид мечети с Дворцовой площади
The general view on the mosque from the Palace Square

не 18 столетия, когда она была восстановлена после грандиозного пожара 1736 г. (он был устроен царским фельдмаршалом Минихом, который прорвал оборону Каплана I Герая, вошел в Крым и сжег ханскую столицу вместе с Дворцом).

Ремонтом здания занялся Селямет II Герай (надпись на каменной плите говорит даже не о «восстановлении», а о «постройке» — стало быть, разрушения от пожара были очень серьезными). Затем в украшении мечети принял участие Крым Герай, о чем известно из текстов на стенах мечети: именно при нём здесь появились и «машалла», и прочие каллиграфические надписи в зеленых фигурных картушах. Одни из них цитируют Коран, а другие являются хвалебными воззваниями к Всевышнему.

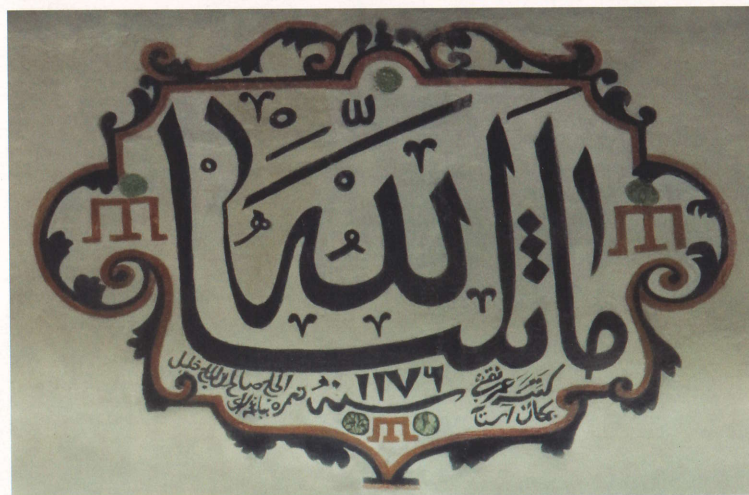
С востока к мечети примыкает небольшой дворик с фонтаном для ритуального омовения и домиком муфтия (ранее с ними соседствовало еще и медресе — культовое учебное заведение).

Надпись «машалла» на стене мечети
«Mashallah» inscription on a wall of the mosque

current hipped red-tiled roof. The Mosque was reshaped in the middle of the 18th century, when it was reconstructed after a fire of 1736 burnt by a Russian Field-Marshal Münich, who ran through the defense of Qaplan I Giray, invaded Crimea and burned its capital along with the Palace.

Selâmet II Giray initiated a reconstruction of the building (an inscription on a slab in its wall mentions rather «construction» than «reconstruction», hence, the damages caused by the fire were heavy). Later on, Qırım Giray took part in the decoration of the Mosque, of what the texts on a Mosque's wall tells: it was at his time when «mashallah» and other calligraphic inscriptions in the green figured cartouches appeared. Some of them quote the Qur'an, and the others are laudatory appeals to the Almighty.

Муфтий являлся высшим религиозным сановником страны. Поскольку юриспруденция в Крыму (как и в прочих исламских государствах) относилась к ведению духовенства, одной из функций муфтия была роль верховного судьи. Юридическая система в Крыму была по сути независима от хана:

From the East, a small yard with a fountain for ritual ablution and *mufti*'s house sides with the Mosque. A medrese (a religious educational institution) neighbored with them in the past.

The *mufti* was the superior religious dignitary of the country. As the legal system in Crimea (as in other Islam states) was under the jurisdiction of the clergy, the *mufti* was the superior judge. The *mufti* was subordinated not to the khan but to the spiritual leader of all Muslims – the *caliph*, whose title at that time belonged to the Turkish sultans. Therefore the jurisprudence in Crimea

муфтий подчинялся непосредственно духовному лидеру всех мусульман — халифу, чей титул в те времена принадлежал турецким султанам. Известны случаи, когда суду муфтия доводилось разрешать даже престолонаследные споры, причем проигравший дело кандидат в ханы безоговорочно подчинялся решению духовного лица.

Ряд крымских правителей прославился богословской образованностью и религиозной благотворительностью, которая выражалась прежде всего в постройке за свои средства мечетей и медресе для подданных. Среди них следует упомянуть Мехмеда IV Герая (мистика и богослова), Хаджи Селима I Герая (который еще в юности наизусть выучил Коран, а на склонах лет посетил Мекку).

Приходя в мечеть на намаз, ханы размещались в особой Ханской ложе — богато украшенной внутренней веранде, устроенной во втором ярусе мечети.

was per se independent of the khan. Some cases are known, when the *mufii's* court has settled even the issues between successors to the throne, and the losing party had to subordinate unconditionally to the decision of the religious leader.

Some of Crimean khans were famous for their theological education and religious charity, which was expressed above all in construction of mosques and medreses at their own expense. Among them, Mehmed IV Giray (a mystic and a theologian) and Hacı Selim I Giray (who had learned the Qur'an in his youth, and visited Mecca in the evening of his life) should be mentioned.

Coming to the Mosque for Muslim prayer, khans took their places in a special Khans' Box — a richly decorated inner loggia on the second tier of the Mosque.

Интерьер мечети (михрабная стена)
Interior of the mosque (the mihrab wall)

Баня Сары-Гюзель

За Восточным двориком Большой Ханской мечети находится замечательная постройка — баня Сары-Гюзель, чье название переводится как «Желтая красавица».

Это одно из старейших зданий Дворца, сооруженное еще Сахибом I Гераем. Как писал ханский придворный биограф Раммал-Ходжа, она была возведена тотчас же вслед за Большой Ханской мечетью. Имя Сахиба I Герая высечено на каменной плите, вмурованной в стену банного здания и сохранившейся по сей день. Здесь же указан и год постройки — 1532. В надписи Сахиб I Герай удостоился эпитета «адиль» — «справедливый».

Баня разделена на мужское и женское отделение с отдельными входами. В ней устроены фигурные раковины с кранами, фонтаны и собственно банные комнаты с шестигранными оконными отверстиями в куполах. Сары-Гюзель относится к

The Sarı Güzel Bath

Behind the Eastern yard of the Big Khan Mosque, a remarkable construction is located — the Sarı Güzel Bath. Its name means *Yellow Beauty*.

It is one of the oldest buildings of the Palace erected by Sahib I Giray. As khan's court historian Rammal Hoca wrote, it was built immediately after the Big Khans Mosque. The name of Sahib I Giray is carved on a stone slab embedded into a wall of the Bath. The inscription mentions the year of construction (1532) and names Sahib I Giray *adil* — *the just*.

The Bath is divided into separate sections for men and for women with entrances from different sides of the building. It features conches with taps, fountains and bath rooms with hexahedral apertures in their domes. Sarı Güzel

классу так называемых турецких бань — весьма сложных инженерных сооружений. Плиты пола в Сары-Гюзель покоятся на низких толстых колоннах, между которыми шел поток горячего воздуха, нагревающего помещение.

Сары-Гюзель являлась не просто «храмом чистоты», но и общественно значимым объектом: любая баня в Крымском ханстве служила местом встреч и бесед, где люди проводили немало времени в общении (собственно, эта традиция была присуща далеко не одному лишь Крыму: достаточно вспомнить античные термы, более схожие с дискуссионными аудиториями, нежели просто с гигиеническими заведениями).

В наполненных паром и запахами благовоний помещениях

belongs to the category of so called Turkish bathes — rather sophisticated engineering constructions. The floor slabs of Sarı Güzel are based on low heavy columns, and the premises were heated with a hot air streaming in the underfloor.

Sarı Güzel was not only a «temple of cleanliness», but also a public place: any bath in the Crimean Khanate was a place where people spent much time communicating with each other (as a matter of fact, this tradition was spread not only in Crimea: one could recall Roman thermae, which were rather a sort of «discussion clubs» than just hygienic establishments).

ханских бань посетителям прислуживали команды молодых банщиков, владевших приемами оздоровительного массажа. «Место отдыха души» — так назвал Сары-Гюзель, побывав там, Эвлия Челеби.

Баня была выстроена очень добротно, выстояв практически в первозданной целостности без малого 400 лет — горожане использовали ее по прямому назначению вплоть до 1920-х годов. Затем ее сильно повредило землетрясение, после которого

несколько десятков лет Желтая Краса простояла в полном запустении и едва не превратилась в развалины. Сегодня, отреставрированное и восстановленное, это древнее здание снова служит истинным украшением резиденции крымских правителей.

Купола бани
Domes of the bath

In the premises of the Bath filled with steam and odors of incenses, a team of young bath-house attendants competent in massage served to visitors. Having visited Sarı Güzel, Evliya Çelebi called it «a place of refreshment of the soul».

The Bath was well-set and stood intact for about 400 years. Citizens of Bakhchisaray used it for bathing until the 1920s. Then it was seriously damaged by an earthquake, after which the Yellow Beauty stayed empty and nearly turned to ruins. Nowadays, this restored ancient building adorns the residence of the Crimean khans.

Ханское кладбище

С южной стороны к мечети Сахиба I Герая примыкает кладбищенский сад, соседство которого с культовым зданием выглядит вполне естественным. В нем стоят два мавзолея-дюрбе, ротонда с колоннами и 98 каменных надгробий.

В этом месте покоится прах нескольких правителей Крымской страны, их родственников, а также ряд наиболее уважаемых ханских придворных.

Это лишь одно из существующих в мире кладбищ рода Гераев. В самой столице было еще три других места, где хоронили ханов и членов их семей. Кроме того, многие из отставных правителей Крыма скончались вдали от полуострова — в своих турецких и болгарских поместьях либо на острове Родос, где они и нашли последний приют.

Khan Cemetery

A cemetery garden abuts on the Mosque of Sahib I Giray, and this neighborhood of a graveyard and a house of prayer looks natural. Two mausoleums, a rotunda with columns and 98 tombstones remain on the Cemetery.

Ashes of several Crimean rulers, their relatives, and some of the most respectable khans' courtiers lie there.

It is one of several cemeteries of the Giray kin existing in the world. There were another three places in Bakhchisaray, where khans and their families were buried. Besides of that, many resigned rulers of Crimea died far from the peninsula, in their Turkish and Bulgarian estates, or on the Rhodes island, where they found their eternal homes.

Сейчас на кладбище Бахчисарайского дворца сохранилось пять ханских памятников: Мехмеда IV Герая, Селима II Герая, Кырма Герая, Арслана Герая и Менгли II Герая (в ротонде). Исторические данные свидетельствуют о захоронении здесь еще пяти правителей Кырма — Девлета I Герая, Газы II Герая (в северном дюрбе), Ислама III Герая (в южном) и Хаджи Селима I Герая (в кладбищенском дворе). На сегодняшний день их памятники утрачены.

Обращает на себя внимание богатство художественного оформления памятников, особенно высеченных из белого мрамора, чья темная «пати́на» лишь подчеркивает рельефы резных орнаментов. Вырезанные в камне символы скорби (кипарис, роняющая плоды пальма) соседствуют с жизнеутверждающей символикой розетки, вазона с цветами, виноградных лоз. Вертикальные стелы памятников увенчаны изображением головного убора — мужского или женского (мужские порой украшены рельефным пером или цветком, а женские — изображением подвески из монет).

Nowadays, five khans' tombstones remain on the Cemetery: those of Mehmed IV Giray, Selim II Giray, Qırım Giray, Arslan Giray and Meñli II Giray (in the rotunda). There are historical data of four more rulers of Crimea buried here — Devlet I Giray, Ğazı II Giray (in the Northern Dürbe), İslâm III Giray (in the Southern Dürbe) and Haçı Selim I Giray (in the cemetery yard). Their tombstones have been lost by now.

Rich decoration of the tombstones — especially those of white marble with dark patina emphasizing relieves of carving — attracts attention. Symbols of grief (cypresses and palm trees dropping fruits) are carved together with symbols of eternal life (roses, vines, stylized rosettes). Headstones are topped with stone head-dresses decorated with marble-carved images of flowers and feathers (on male engravements) or pendants made of coins (on female engravements).

Эпитафии на стелах различны по объему; среди них — и лаконичные призывы к молитве за души покойных, и целые стихотворные произведения о достоинствах погребенных, и философско-поэтические размышления о сути бытия. Одна из эпитафий так говорит о бренности земного существования: *«Калга Селим Герай-султан, сын Арслана Герай-хана, говаривал: не прилепляйся к миру, он не вечен! Никакой смертный да не обманывается почестями мира, ибо он — будет ли то старец или юноша, подобно мне, — когда-нибудь умрет. Хронограмма видна в стихе Корана, где Аллах несомненно говорит: всякий, кто на ней [на земле], не вечен. 1173 (1759) г.»*

Внутри ханских дюрбе рядом с мраморными памятниками и деревянными саркофагами (которые были накрыты зелеными покрывалами и увенчаны чалмами) горели лампы и звучали молитвы, читаемые дюрбеدارами — специальными служителями при мавзолеях.

The gravestones bear epitaphs, which are of different kinds: either laconic prayers for the souls of the deceased or extended poetical works about merits of the buried or philosophical reflections on the essence of life. One of them tells the following about the evanescence of human life: *«Qalğa Selim Giray sultan, a son of Arslan Giray khan, used to say: don't stick to the world, it is not everlasting! Let a mortal not be deceived by laic honors, as he — whether an old man or a juvenile — will die once, as I have done. One can see a chronogram in a verse of the Qur'an, where Allah undoubtedly says: everyone on it [on the Earth] is not eternal. Year 1173 (1759)»*

In khans' mausoleums, near marble monuments and wooden sarcophagi (covered with green coverlets, topped with turbans and lighted by oil-lamps) prayers were heard, read by *dürbedars* — special cemetery attendants.

Памятник Ферех-султани
The monument to Ferah sultani

Портал Алоизио да Монтаньяна

Ренессансный портал Демир-Капы («железная дверь») выглядит среди ближневосточных построек Дворца словно почетный иноземный гость. Собственно, он и является здесь гостем в прямом смысле слова: еще в ханское время портал перенесли по блокам во Дворец из другой местности. Золотая вязь арабских надписей, соседствующих на Портале с классическими орнаментами Возрождения и династическим символом рода Гераев — тамгой, гласит: «Владелец этого дворца и правитель этой области, государь величайший, благороднейший, Менгли Герай хан, сын Хаджи Герая хана, да помилует Бог его и его родителей в обоих мирах.

Этот величественный порог и эта возвышенная дверь построены по приказу государя двух материков и хакана двух морей, государя, сына государя, Менгли Герая хана, сына государя Хаджи Герая хана. 909 (1503)».

При Менгли I Герае Бахчисарайского дворца еще не существовало. Стало быть, этот портал первоначально украшал вход во дворец Девлет-Сарай в Салачике, построенный этим ханом.

Portal of Aloisio da Montagnana

The Renaissance-styled portal called in Crimean Tatar Demir Kapı (*Iron Door*) looks as an honorable foreign guest among other constructions of the Palace built in the style of Middle East. It is indeed a guest here: in the time of khans the Portal had been moved to the Palace from some another place. A gilt Arabic inscription adjoining on the Portal with classical ornaments of the Renaissance and neighboring with the emblem of the dynasty of Girays (*a tamğa*), says: «The owner of this Palace and the ruler of this land, the greatest and noblest sovereign, Meñli Giray khan, a son of Haçı Giray khan, let God has mercy upon him and his parents in both worlds».

«This majestic threshold and this high door were constructed under the order of the sovereign of two continents and the *haqan* of two seas, sovereign, a son of

История создания портала поистине замечательна.

Венецианский архитектор Алоизио Ламберти да Монтаньяна, нанятый московским великим князем Иоанном III для строительства храмов в Кремле, не подозревал, что его творение будет украшать и крымскую столицу. Отправившись из Венеции в Москву вместе с несколькими коллегами и московскими дипломатами, мастер оказался заложником большой политики. Пересекая земли Молдавии, послы и мастера были арестованы здешним князем Стефаном Великим: до молдавского правителя дошли вести из Москвы, что Иоанн III наложил опалу на свою супругу Елену, дочь Стефана, и лишил прав наследия ее сына Димитрия.

Иоанн III немало обеспокоился этим арестом и попросил Менгли I Герая, своего друга и союзника в борьбе с Ордой, помочь освобождению путников. Менгли I Герай сумел сделать это — и князь Стефан отпустил задержанных.

a sovereign, Meñli Giray khan, a son of the sovereign Haçı Giray khan. 909 (1503)».

When Meñli I Giray ruled, the Bakhchisaray Palace did not exist yet. So, originally this portal most probably decorated the entrance to Devlet Saray palace in Salaçıq, built by that khan.

The history of creation of the Portal is really remarkable.

A Venetian architect Aloisio Lamberti da Montagnana employed by the grand duke of Muscovy Ioann III for construction of temples in the Kremlin, did not suspect, that a creation of him would decorate also the Crimean capital. Having gone from Venice to Moscow together with several colleagues and Muscovite diplomats, the architect became a hostage of the big politics. Crossing Moldovian lands, the ambassadors and artists were arrested by the local prince Ștefan the Great because the Moldovian ruler heard news from Moscow that Ioann III had imposed disgrace on his spouse Jelena, a daughter of Ștefan, and had deprived her son Dimitrij of the rights of succession.

Московские послы и итальянские мастера прибыли в Крым к хану-освободителю. Последующие события поставили самого Менгли I Герая в положение Стефана: стало известно, что Иоанн III лишил престола и сослал его приемного сына, казанского хана Мухаммед-Эмина. Хан сам не одобрял курса пасынка, но был оскорблен фактом его ссылки. Пока между двумя правителями шли переговоры, под резцом Алоизио расцветал великолепный каменный сад как благодарность хану за освобождение из молдавского плена.

Вскоре Иоанн III с Менгли I Гераем помирились — и путники под охраной крымских воинов продолжили свою дорогу, благополучно добравшись до Москвы. Алоизио вез с собой рекомендательное письмо, в котором Менгли I Герай высоко хвалил его умения и дважды просил своего московского союзника щедро наградить мастера.

Ioann III was much disturbed by that arrest and asked Meñli I Giray — his friend and ally in struggle against the Horde — to help to release the travellers. Meñli I Giray managed to do that. Prince Ștefan released the arrested persons. The Muscovite ambassadors and the Italian masters arrived to Crimea to the khan who liberated them. The subsequent events put Meñli I Giray in position of Ștefan: it became known that Ioann III deprived of the throne and banished an adopted son of Meñli I Giray, the khan of Qazan Muhammed Emin. Meñli I Giray did not approve a course of the stepson, but was offended by the fact of his banishment. While two rulers were negotiating, a magnificent stone garden began to blossom under a cutter of Aloisio as a gratitude to khan for the release from Moldovian captivity. Soon, Ioann III and Meñli I Giray came to reconciliation, and travellers, under protection of Crimean guards, continued their way and safely reached Moscow. Aloisio carried with him a letter of recommendation in which Meñli I Giray highly praised his skills and twice asked the Muscovite ally to award the master generously.

Зал Дивана

Если Бахчисарай являлся сердцем Крымского государства, то сердце самого Бахчисарая находилось в этих стенах. Зал Дивана — главное помещение Дворца. Здесь, собственно, и происходило правление страной, судьбы которой определялись правителем и первыми лицами государства на заседаниях ханского Дивана.

Это учреждение представляло собой своего рода «палату лордов»: его основные члены, беи знатных родов, состояли в нём по праву наследования. Крым не был абсолютистской монархией (в отличие, например, от Турции). Ханская должность была по своей сути выборной: при воцарении нового хана беи четырех знатнейших родов страны должны были избрать его из членов правящей фамилии, отдавая при этом преимущество младшим братьям предыдущего правителя. Затем этот выбор следовало подтвердить у османского султана (причем со временем слово

Divan Hall

Whereas Bakhchisaray was the heart of the Crimean state, the heart of Bakhchisaray was behind these walls. The Divan hall is the main room of the Palace. From there, the country was ruled, and the destinies of Crimea were defined by the ruler and the first persons of the state at the sessions of the khan's Divan.

That institution was a kind of a «House of Lords»: *beys* (seniors) of noble clans were its members by the right of succession. Crimea was not an absolute monarchy (in contrast to Turkey, for example). The post of khan was essentially elective: for a new khan could access the throne, *beys* of four noblest families of the country should elect the ruler from the members of the ruling dynasty giving the advantage to younger brothers of the previous ruler. Then, the newly elected khan had to be approved by the Ottoman sultan (later, the

Стамбула стало решающим, и церемония избрания свелась к чистой формальности). Впоследствии хан был обязан согласовывать с беями все свои масштабные предприятия — для чего время от времени и собирал родовых старейшин на совет.

Получив приглашение, беи покидали родовые имения и прибывали в Бахчисарай. Входя в Зал Дивана, посетители склонялись в почтительном поклоне перед правителем, восседавшим на троне из вышитого золотом цветного сукна.

Члены Дивана рассаживались на длинных скамьях вдоль стен соответственно своему сану. Тронное место занимал сам государь. По правую и левую руку от него восседали калга и нурэддин — два наследника престола, как правило, младшие братья правителя. Далее размещались беи знатных фамилий Ширин, Мансур, Барын, Аргын, Яшлау, Сеит-Джеуд, Кыпчак и других. Следующими по рангу (и по месту расположения) были высшие придворные — эти люди членствовали в Диване уже не по происхождению, а по

decision of Istanbul became definitive, while the ceremony of election was reduced to a mere formality).

Subsequently, khan had to coordinate all important activities with the *beys*, and for that purpose, he convened a council of patrimonial elders from time to time.

Having received the invitation, noblemen left their estates and arrived to Bakhchisaray. Entering the Divan Hall, visitors made respectful bow before the ruler, who sat on the throne decorated with color cloth embroidered with gold. Members of the Divan took seats on long benches along the walls according to their dignity. The sovereign himself occupied the throne place. On the right and left hand from him, *qalğa* and *nureddin* sat — they were two successors of the throne, as a rule, younger brothers of the khan. They were followed by the seniors of noble clans like Şirin, Mansur, Baryn, Arğın, Yaşlau, Seyit Ceud, Qıpçaq and others. The court officials had a lower rank and occupied more distant seats— those people were members of the Divan at the will of the khan and not by their

личному выбору хана. На заседаниях присутствовали также муфтий и кади-аскеры (судьи высшего ранга). Замыкали ряд прочие придворные чины, среди которых порой можно было встретить и анабеи — мать либо старшую сестру хана.

Собрания подчас проходили бурно — беи смело пользовались своим правом вето в отношении ханских инициатив. Когда заседание заканчивалось и дискуссии утихали, члены собрания приглашались к торжественному обеду, во время которого хан собственноручно подавал золотую чашу особо уважаемым гостям, что считалось великим почетом.

Следует добавить, что двери Дивана были открыты и для простых граждан: тот, кто не нашел справедливости у местных судей, мог явиться во Дворец и изложить свою жалобу перед ханом на заседании Дивана — ибо государственный совет, помимо политических вопросов, занимался и наиболее серьезными судебными делами.

origin. *Mufti* (the head of the Muslim community of Crimea) and *qadi askers* (judges of the higher rank) were present too. Ordinary court officials closed that line of the most important state persons of Crimea, among whom sometimes the *anabei* could be met — this title belonged to the mother or an elder sister of the ruling khan. Sometimes, those assemblies were stormy as the *beys* used the right for veto concerning khan's initiatives. When a session came to the end and discussions calmed down, the members of the assembly were invited to a solemn dinner, during which the khan reached a gold bowl to especially respected visitors with his own hand to show a sign of a high honor.

It should be mentioned that doors of the Divan were open for common people too: those who could not find justice at local judges, could appear in the Palace and state the complaint before the khan at a session of the Divan, since the state council, besides political questions, tried also the most important legal cases.

Терраса при входе в Зал
A terrace at the entrance to the Hall

Летняя беседка

Сегодня Летняя беседка выглядит как отдельная комната, но в ханские времена между ее колоннами не было витражей и перегородок: беседка составляла одно целое с Бассейным двориком, что виден ныне сквозь ее окна. Дворик украшен своеобразным мраморным фонтаном, вода из которого по резному каскаду струилась в бассейн. С этим источником перекликался другой, звеневший чистыми струями воды в центре самой беседки.

Логично полагать, что именно в этом месте могли отдыхать после заседаний гости ханского Дивана, выходя во дворик для краткой прогулки и общения. Тематика светских бесед могла быть самой разнообразной, в том числе и весьма отвлеченной. Закончив обсуждение государственных дел, первые лица страны могли пускаться в дискуссии о тонкостях мистической

Мраморный фонтан в Летней беседке
A marble fountain in Summer arbour

Summer Arbour

Today, the Summer Arbour looks like a separate room, but in the khans' times, there were no stained-glass windows and partitions between its columns. The Arbour was integrated with a Pool court which is seen today behind its windows. The court was decorated with an original marble fountain shedding water through a carved cascade into a pool. Another fountain, ringing with pure streams of water, stands in the center of the Arbour.

One may reasonably believe that it was this place, where the visitors of the khan's Divan could have a rest after sessions going out into the court for a walk and conversation. The subjects of secular conversations

could be different, including rather abstract subjects. Having finished discussion on state affairs, the first persons of the country could start discussions about nuances of mystical teachings or about the course of astral bodies — similar topics were rather popular among the local educated society.

Verses and music could be heard there too. As far as we know, there was no lack of poets and musicians at the court, and sometimes a kind of poetical competitions took place between them. The poetry was developed well in the Crimean Tatar culture, and khans often had a shot at it too. In such cases, they preferred to hide their regal names under pseudonyms.

While on battlefields, Ğazı II Giray became famous under the name of Bora (*Snow-Storm*), and admirers of poetry and music knew him as poet

мысли и ходе небесных светил — подобные темы были весьма популярны среди здешнего образованного общества.

Могли тут звучать и стихи с музыкой. Насколько известно, при дворе не было недостатка в поэтах и музыкантах, среди которых проводились своего рода поэтические турниры. Поэзия была развитой областью крымскотатарской культуры: зачастую в ней пробовали свои силы и сами ханы — причем в этом случае они предпочитали скрывать свои царственные имена под псевдонимами.

Если на полях сражений Газы II Герай прославился под прозвищем Бора (буран), то почитателям поэзии и игры на саазе он был знаком как поэт Газайи (к слову, его творчество отличается большим сюжетным разнообразием: здесь и суфийско-философские рефлексии о Свече, Розе и Соловье, о

Ğazayı (by the way, his creativity was rather diverse: he wrote Sufi philosophical reflections about the Candle, Rose and Nightingale, described vicissitudes of fate of the Mill Wheel; retold a conversation between Coffee and Wine; created an inspired song of soldiers who ranked the ecstasy of fight higher than the pleasure of home delights and satires about arrogance of state bureaucrats. Mehmed IV Giray taking up his pen turned into a divine wise man Kâmil. Readers recognized Bahadır I Giray under the name of Rezmi while the

Портрет Газы II Герая
A portrait of Gazi II Giray

превратностях судьбы Мельничного Колеса; здесь и светская беседа Кофе с Вином; и воодушевленная песня воинов, для которых упоение боя выше радости домашних усад; и сатира на высокомерие государственных чинуш). Мехмед IV Герай, берясь за перо, преображался в мудреца-богослова Кямиля. Под псевдонимом Резми слушатели узнавали Бахадыра I Герая, а под Ремзи — Хаджи Селима I Герая. Этими именами список ханов-поэтов не исчерпывается. Поэтические произведения создавали и принцессы из рода Гераев — как, например, Хан-Заде-ханым: сестра Газайи, супруга Резми и мать Ремзи.

Хан Крым Герай известен тем, что был первым, кто заинтересовался драматургией — в частности, творениями Мольера. Он даже имел бы-ло намерение поставить во дворце «Тартюфа» — но не успел осуществить это, и придворный театр так и не был создан.

poet named Remzi was famous in the history of Crimea as Hacı Selim Giray. The mentioned names does not make the list of khan-poets comprehensive. Some princesses from the dynasty were poetesses as well, like, for instance, Han Zade Hanım: a sister of Ğazayı, a spouse of Rezmi and the mother of Remzi.

Qırım Giray khan was known to be the first who interested in dramatic art, especially, in Moliere's works. He even intended to put «Tartuffe» on the stage — but unfortunately died before the court theatre was created.

Золотой фонтан

Прибыв во Дворец на заседание Дивана, высокие гости хана не только обсуждали государственные дела и вели private беседы, но и совершали коллективные моления — порою именно с этого и начиная свои встречи. Такие служения происходили как в Большой, так и в Малой Ханской мечети, чей входной портал расположен прямо напротив дверей Зала Дивана.

Направляясь на молитву, почтенное собрание сперва совершало ритуальное омовение у специального фонтана, выстроенного при входе в Малую Ханскую мечеть. Омывались руки, ноги и лица, читались необходимые молитвы — и после этого люди входили в мечеть, оставляя обувь у ее порога.

Источник для омовения — прекрасное мраморное сооружение, чьи резные узоры богато позолочены — носит название Золотого фонтана.

The Golden Fountain

Having arrived to the Palace at a session of the Divan, honored guests of the khan not only discussed state affairs and talked privately, but also prayed together, sometimes starting their meetings in this way. Places of worship were both in the Big and in the Smaller Khan Mosque, entrance portal of which is located directly opposite to the doors of the Divan Hall.

Before a pray, the respectable assembly performed ritual ablution at a special fountain built at the entrance to the Smaller Khan Mosque. Hands, feet and faces were washed, prays read, and after that people entered the Mosque, leaving footwear at its threshold.

Как сообщает верхняя из двух надписей на нём, фонтан выстроен в 1733 г. ханом Капланом I Гераем. Этому правителю было суждено стать свидетелем поистине трагичной картины: вернувшись в сожженный Дворец после вынужденного отступления от превосходящих сил Миниха, хан застал свой фонтан, построенный им за три года до разгрома, стоящим среди груды развалин.

Богатые резные орнаменты фонтана в виде цветов, листьев, фруктов, лоз призваны символизировать райские сады, о праведных обитателях которых говорит нижняя надпись, цитируя Коран: «И напоил их Господь напитком чистым».

Фонтанов во Дворце было много: десятки родниковых струй, питавшихся водою источников с ближайших горных склонов, наполняли звоном воды и прохладой почти каждый внутренний дворик и многие помещения Дворца.

The source for ablution is a fine marble construction called the Golden Fountain, richly decorated with gilt carved ornaments.

As the upper of two inscriptions on the Fountain tells, the fountain was built in 1733 by Qaplan I Giray. That ruler became a witness of a tragic event: having returned to the burnt Palace after a retreat from superior forces of München, the khan found the Fountain built by him three years earlier among a pile of ruins.

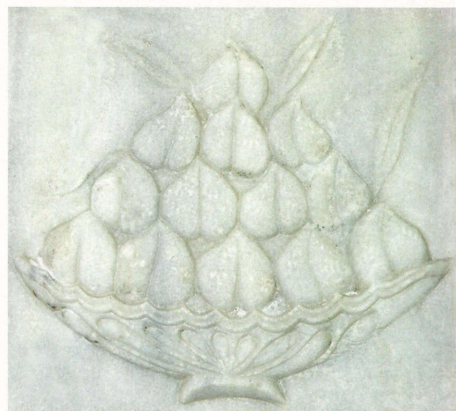
Rich carved ornaments of the Fountain shaped as flowers, leaves, fruits, vines — are designed to symbolize paradise gardens, and the lower inscription, quoting the Qur'an, tells about righteous people living there: «And the Lord gave them a pure drink».

There were many fountains in the Palace: many streams taking water from the nearest hillsides filled almost each courtyard and many premises

Общий вид фонтана
A general view of the fountain

Собственно, с фонтана начался и сам Дворец: источник воды был устроен уже в той лёгкой беседке, что была сооружена здесь Сахибом I Гераем накануне закладки первых каменных зданий.

Не ограничиваясь в строительстве фонтанов украшении собственной резиденции, крымские правители сооружали на свои средства и общественные источники в разных городах Крыма. Их примеру следовали и высшие придворные сановники, и прочие

Фрагмент резного орнамента
A fragment of a carved ornament

стоятельные люди: выстроить фонтан для сограждан считалось достойным и богоугодным делом.

of the Palace with a ripple of water and coolness. The Palace itself began with a fountain: a source of water was built in the arbor constructed there by Sahib I Giray before laying foundations of the first stone buildings.

Crimean rulers built fountains not only to decorate their residence, but they also established public sources in Crimean towns at their own expense. Senior officials and other rich people followed the lead of khans: it was considered pious and charitable to build a fountain for fellow citizens.

Малая Ханская мечеть

При входе в Малую Ханскую мечеть (портал которой, как и у Зала Дивана, украшен надписью с именем Селямета II Герая, обновившего ее после пожара), многие обращают внимание на витраж в южной стене, украшенный фигурой из двух переплетенных треугольников. Этот символ, имеющий много названий и издревле использовавшийся самыми разными народами, в мусульманской традиции именуется «печать Сулеймана». В данном случае он не связан с иудейской символикой — точно так же, как не связан с христианской декоративный трилистник при полумесяце, на кровле Малой Ханской мечети, принимавшемся путешественниками прошлых столетий за «крест».

Впрочем, мирное соседство религий в Крымском ханстве не нуждалось в какой-либо специальной символике:

The Smaller Khans Mosque

At the entrance to the Smaller Khan Mosque (with its portal decorated, just like the Divan Hall, with an inscription bearing the name of Selâmet II Giray, who reconstructed the Mosque after a fire), many pay attention to a stained-glass window in the southern wall of the building, decorated with a figure combined of two triangles. This symbol having been used by different peoples since olden times, has many names and in Muslim tradition is called «the seal of Suleyman». In this case, it is not connected with Judaic symbolic, just like the decorative trefoil with a crescent at the top of the Smaller Khan's Mosque recognized by travellers of the past centuries as a «cross» has no relation to the Christian symbols.

ханской администрации не была присуща религиозная нетерпимость, и, соответственно, в стране не было места гонениям на немусульманские религиозные меньшинства. Напротив: греческий монастырь в окрестностях столицы получал помощь от Хаджи Герая и его преемников, караимская община Кырк-Ера пользовалась по ханскому указу высоким статусом тарханов, а иудеи Карасубазара обладали выписанными в Бахчисарае охранными грамотами, в которых ханы запрещали кому-либо притеснять их. Помимо мусульманских культовых зданий, в Бахчисарае существовало несколько христианских храмов, где читались греческие, армянские и латинские службы.

Крымская столица была крупным духовным центром местных мусульман. Здесь было выстроено более трех десятков мечетей, несколько медресе (во главе со

However, the peaceful coexistence of religions in the Crimean Khanate did not require any special symbols: the khan administration was not religiously intolerant, and, accordingly, non-Muslim religious minorities were not persecuted in the country. On the contrary, a Greek monastery in the vicinities of the capital received help from Hacı Giray and his successors, the Karaite community of Qırq Yer was granted with a high status of tarhans, while the Judaists of Qarasubazar had writs of protection given from Bakhchisaray. Besides Muslim cult buildings, there were some Christian temples in Bakhchisaray where Greek, Armenian and Latin divine services were held.

The Crimean capital was a significant spiritual center of local Muslims. More than three tens mosques and some *medreses* for edu-

Интерьер мечети с михрабом

An interior of the Mosque with the mihrab

старейшим из них, Зынджирлы-медресе), готовивших служителей культа. С востока и запада от города находились две известных и весьма почитаемых в народе святыни в честь мусульманских подвижников Газы-Мансура и Мелик-Аштера, к которым со всей страны стекались паломники.

При этих гробницах (азизах) стояли молитвенные дома суфиев (мусульманских аскетов и мистиков, иначе называвшихся дервишами). Суфийское учение имело немалое влияние на культуру Крымского ханства: его сложной символикой отмечена практически вся придворная поэзия. К этому философско-мистической традиции примыкали и некоторые ханы — как, например, Мехмед IV Герай, сам занимавший высокий пост в суфийской общине.

cating Muslim clergy (including the oldest of them, Zincirli Medrese) were built there. From East and West of the city, there were tombs of Muslim devotees Ğazı Mansur and Malik Aşter both known and esteemed by the people, where pilgrims from all the country came.

There were houses of prayer of Sufis (Muslim ascetics and mystics, also called dervishes) at those tombs. The Sufi doctrine had considerable influence on the culture of the Crimean Khanate: its complex symbolic left its imprint on actually all court poetry. Some khans adjoined to this philosophic-mystical tradition, as for example, Mehmed IV Giray, who held a high post in a Sufi community.

Вход в мечеть
Entrance to the Mosque

Сельсебиль («Фонтан Слез»)

Этот скромный фонтан, когда-то стоявший в тихом саду на горном склоне, был построен в правление Крыма Герая, в 1764 году. Струи горных родников, питавших фонтан, переливались между его чашами, складываясь в изящный живой узор на фоне серого мрамора.

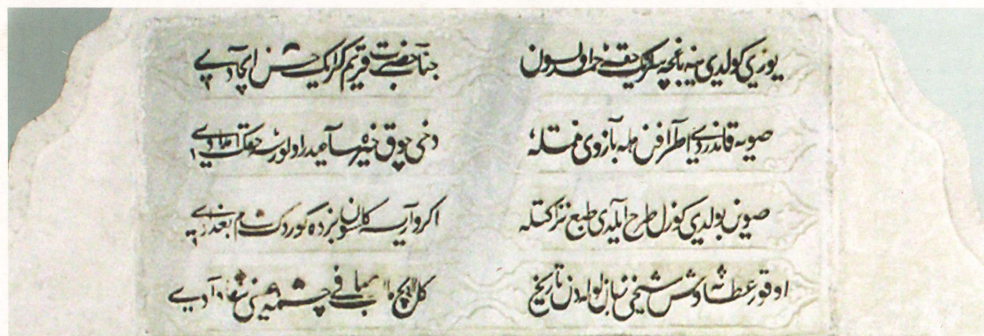
Ханский фонтан дарил вдохновение поэтам. Первым из них был Шейхий, чей стих золотыми буквами записан на мраморной плите над фонтаном:

Selsebil («The Fountain of Tears»)

This fountain once standing in a silent garden on a hillside was constructed during the reign of Qırım Giray in 1764. Thin vivacious streams from mountain springs were poured between its bowls making in a graceful pattern on the background of gray marble.

This Fountain inspired poets of different ages and nations. Şeyhiy, whose verse was carved with gold letters on a marble slab above the fountain, was the first of them:

Слава Всевышнему! Лицо Бахчисарая опять улыбнулось:
Милость великого Крыма Герая славно устроила.
Неусыпными стараниями он напоил водой окрестности,
И если будет на то воля Божья, сделает ещё много добрых дел.
Он тонкостью ума нашёл воду и устроил прекрасный фонтан.
Если кто хочет [проверить], пусть придёт [и посмотрит]:
Мы сами видели Дамаск и Багдад [и не встретили там ничего похожего]!
Подобно жаждущему, Шейхий читает [=пьёт] хронограмму из уст сего фонтана:
Приди, напейся воды чистойшей из источника исцеляющего!

Glory be to the Almighty! The face of Bakhchisaray has smiled again:
The favor of the great Qırım Giray has wisely arranged.
Due to his unremitting diligence he gave water to the surroundings,
And, God will, he will do even more good doings.
The acute wisdom of him has found the water and arranged a beautiful Fountain.
Who wants [to check up] — let comes [and he will look]:
We have seen Damascus and Baghdad [and have not met there anything similar]!
Like a thirsting, Şeyhiy reads [«drinks»] the chronogram from the mouth of this Fountain:
Come and drink the purest water of the healing spring!

Общий вид фонтана
A general view of the fountain

Фонтан не был единственным в своем роде, имея очень схожих собратьев и в самом Дворце (в Бассейном дворике), и в султанской резиденции в Стамбуле. Такие фонтаны назывались сельсебиля — по имени знаменитого источника в раю (строка из Корана, упоминающая этот райский родник, высечена на фонтане). Как правило, сельсебили возводились при святых местах — например, при захоронениях почитаемых людей.

Именно в таком месте стоял и этот фонтан, располагаясь, скорее всего, поблизости от того мавзолея, что до сих пор одиноко высится на окраине Садовых террас Дворца — у дюрбе знатной дамы Диляры-бикеч.

The Fountain was not the only one of its kind, there were very similar fountains both in the Palace itself (in the Pool Court) and in sultan's residence in Istanbul. Such fountains were called *selsebils*, they were named after a well-known source of paradise (the verse from the Qur'an, mentioning this paradise spring was carved on the fountain). As a rule, *selsebils* were erected at sacred places, for example, at burial places of esteemed people.

This Fountain was also located in such a place. Most likely, its initial location was near a mausoleum which still lonely towers up near the Garden Terraces of the Palace — the mausoleum of a noble woman Dilâra bikeç.

Фрагмент резного орнамента
A fragment of a carved ornament

С ее именем было связано несколько замечательных построек в городе — и при этом личность Диляры оставалась (и до сих пор остается) совершенно загадочной. Эта тайна со временем породила разнообразные романтические предания, рисующие Диляру как возлюбленную хана Крыма Герая и ставшие той основой, на которой в будущем расцвела роскошная экзотика пушкинской поэмы «Бахчисарайский фонтан».

За тридцать с лишним лет до Пушкина фонтан переместили в тот дворик, где он стоит и поныне, источая уже не струи, а капли («слёзы»). Примечательно, что поэт, бегло осмотрев

Some remarkable constructions in the city were connected with her name; nevertheless, the personality of Dilâra bikeç remained (and still remains) quite mysterious. This secret has eventually generated various romantic legends showing Dilâra as a beloved of Qırım Giray. The legends became a basis on which *The Bakhchisaray Fountain*, an excel-

lent exotic poem by a great Russian poet Pushkin, has blossomed later.

More than thirty years before Pushkin's visit, the Fountain was moved to that court where it stands now, dropping tears (not streams like at the initial place). It is noteworthy that the poet having a brief visit to the Palace in the

Дворец осенью 1820 года, был более раздосадован его запущенностью, нежели восхищен его красотами. Впрочем, Пушкин был не праздным путешественником, а большим поэтом, чей творческий гений сумел вплести бесхитростные предания в безупречную, свежую художественную форму и тем самым навеки прославить в мире и фонтан, и Дворец, и сам Бахчисарай.

Как скульптор, высекавший фонтан из мраморной плиты, не предвидел будущей славы своего произведения, так и Пушкин, окончив черновик поэмы, не мог предугадать, что тем самым он выписал Дворцу и городу вечную охранную грамоту: лишь название пушкинской поэмы уберегло имя Бахчисарая от переименования в советский период.

Сколько ни было на свете похожих фонтанов (впрочем, их не так много), удостоиться всемирной известности было суждено лишь одному-единственному из них.

Фасад Гарема
Facade of the Harem

autumn of 1820, was rather dissatisfied with the uncared-for appearance of the fountain, than admired with its beauty. However, Pushkin was not just a traveller, but a great poet, whose creative genius managed to intertwine naive legends with a perfect and fresh art form and thus to glorify the Fountain, the Palace, and Bakhchisaray in the world forever.

Like the sculptor who cut the Fountain of a marble slab did not expect the future glory of the work, so Pushkin having ended a draft copy of the poem could not foresee that thus he wrote an eternal writ of protection to the Palace and to the city: it was the name of Pushkin's poem what saved Bakhchisaray from renaming during the Soviet period.

Be similar fountains ever so numerous (actually there are a few of them though), the one and only one of them has come to be honored with a worldwide fame.

Гарем

В этой части ханского жилища обитали женщины Ханского Дворца: матери, супруги, незамужние сёстры и дочери ханов, а также женская прислуга. Гарем не был густонаселенным местом: не все крымские правители осуществля-

Harem

In this part of the khans' residence women of the Palace lived: mothers, spouses, unmarried sisters and daughters of khans along with a number of female servants. The Harem was not a densely populated place: not

everyone of the Crimean rulers performed the right to have four spouses, and what concerns odalisques, there are just solitary evidences on their presence in Bakhchisaray.

Men from the clan of Girays married women from noble families — Crimean Tatar (Şırın, Seyit Ceut) or Noğay (Mansur). From the end of the 16th century, the custom to marry noble Circassian women became more and more common among khans. Brides from khan's family were given to marriage to *beys* and *mirzas* of Crimean and Noğay noble clans and sometimes to Turkish sultans (for example, Ayşe Hanım, a daughter of Meñli I Giray was a spouse of a well-known Turkish ruler Selim I).

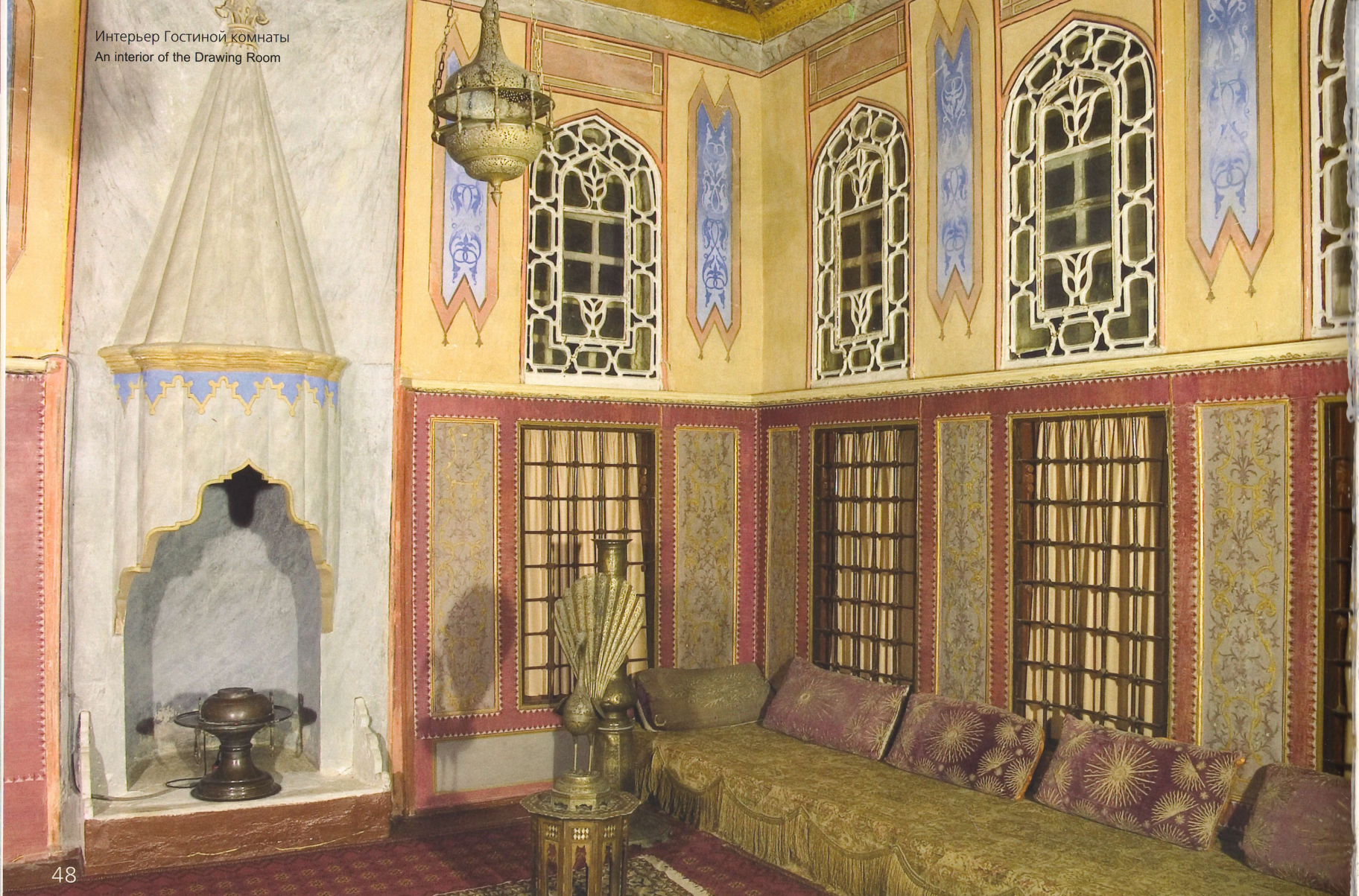
Sons of khans also stayed in the Harem during their infancy. Getting elder, they started to study. Sometimes, they received education in their

ли свое право иметь четырех супруг, а свидетельства о наличии у них одалисок довольно редки.

Мужчины из ханского рода Гераев брали в жены представительниц знатных крымскотатарских (Ширин, Сеит-Джеут) или ногайских (Мансур) фамилий. С конца 16 века среди ханов всё более распространялся обычай жениться на знатных черкешенках. Девушек ханской фамилии выдавали замуж за беев и мурз тех же крымских и ногайских родов, а иногда и за турецких султанов (известно, например, что дочь Менгли I Герая Айше-ханум была супругой знаменитого турецкого правителя Селима I).

Интерьер Гостиной комнаты
An interior of the Drawing Room

В гареме проводили младенческие годы и ханские сыновья. Выйдя из малолетнего возраста, они приступали к учебе. Иногда они получали образование в семье, но существовал и другой обычай воспитания будущих правителей: атальчество. Юный член ханского рода сызмальства отправлялся в Черкессию, где под руководством аталыков (местных князей, зачастую являвшихся ханскими родственниками) получал прекрасную боевую подготовку. Связи воспитанников с аталыками сохранялись навсегда и были очень крепки. То же можно сказать и об отношениях крымских ханов со своими эмельдешами — «молочными братьями», т.е. детьми аталыков.

О внутренней жизни ханского гарема известно крайне мало — и это понятно: сюда, в частные покои ханов, не было доступа ни путешественникам, ни дипломатам, которые могли бы оставить свои описания.

Фрагмент деревянного портала Гарема
A fragment of a wooden portal of the Harem

family, but there was also another custom of education of future rulers called *atalıqshıp*. It meant that a young member of the khan dynasty was sent to Circassia where he received a perfect physical and military training under a supervision of an *atalıq* (a local prince, which often could be related to the Crimean dynasty). Ties between *atalıqs* and their aluminizes kept forever and were very tight. The same could be said about the relations between the Crimean khans and their *emeldeşes* (*foster brothers*), i.e. children of *atalıqs*.

Very little is known about the inner life in the Harem. Travellers, diplomats and other people who could leave their descriptions of the Harem had no access to the private apartments of the Crimean khans.

Впрочем, порой жительницы гарема выходят «из тени» на страницы исторических документов как паломницы в Мекку на хадж, как устроительницы мечетей для жителей столицы (в Бахчисарае сохранилось две таких мечети, выстроенных ханскими дочерьми Исми-Хан и Бек-Хан), как авторы посланий к иностранным правителям и правительницам в поддержку политического курса своих супругов. Кроме того, в придворной иерархии ханского двора существовал титул анабеи — он присваивался матерям либо старшим сестрам правящих ханов. Анабеи присутствовали на заседаниях Дивана, играли важную роль в придворной жизни и ханы были склонны прислушиваться к их мнению (советом своей старшей сестры Кутлуг-Султан не пренебрегал даже такой крупный стратег, как Газы II Герай — один из наиболее выдающихся правителей Крыма).

Still women of the Harem were mentioned in some historical sources as pilgrims to Mecca, builders of mosques for the citizens of the capital (two such mosques built by khans' daughters İsmi Han and Bek Han remained in Bakhchisaray), or as authors of messages to foreign rulers in support of political course of their husbands, khans. Besides, there was a special post of *anabeı* in the court hierarchy. Mothers or elder sisters of ruling khans were appointed to that post. *Anabeıs* attended sessions of the Divan and played an important role in the court life. The khans often listened to their opinion (even such a great strategist and outstanding ruler as Gazi II Giray, did not neglect advises of his elder sister Qutluğ Sultani).

Соколиная башня

Над верхушками деревьев и черепичными кровлями Дворца золотится бронзовый алем (украшение с полумесяцем) на крыше Соколиной башни. Ныне стены башни дощатые, но в прежние времена они были оштукатурены и украшены цветными росписями. Благодаря этому здание выглядело как монументальное каменное сооружение.

Название башни объясняют тем, что в этой постройке ханские сокольники содержали ловчих птиц. Хотя точных сведений об использовании башни в прошлом мы и не имеем, это предание довольно правдоподобно. Аристократы Крыма с удовольствием посвящали свой досуг соколиной охоте, и у ханов было множество охотничьих соколов. Среди ловчих птиц встречались разные породы, но наиболее ценились полярные белые кречеты, которые нередко фигурируют в числе драгоценных подарков крымским правителям из Польши и Московии. При ханском дворе су-

The Falcon Tower

A bronze *alem* (*crescent*) glitters on the top of the Falcon Tower above treetops and tiled roofs of the Palace. Nowadays, walls of the Tower are made of wooden boards, but formerly they were plastered and decorated with color paintings. Therefore the building had the look of a monumental stone construction.

The Tower's name allegedly derives from the custom to keep hunting birds in it. Though we have no exact information on how the Tower was used in the past, such explanation seems plausible enough. Nobility of Crimea willingly indulged their leisure to falconry, and khans had a lot of hunting falcons. There were different breeds of hunting birds, and the most appreciated of them were white polar gyrfalcons that were quite often among precious gifts that Poland and Muscovy presented to Crimean rulers.

ществовал целый штат служителей, ухаживавших за ловчими птицами и сопровождавших хана на соколиную охоту.

Внутри башни устроена винтовая лестница, ведущая на площадку, с которой открывается прекрасный вид на город и Дворец.

Башня расположена в углу Персидского дворика — «рекреационного комплекса» Ханского Дворца. Среди наполнявших дворик садов были проложены дорожки, выстроены беседки, павильоны, фонтаны, бани. Эта уединенная, окруженная высокой стеной часть Дворца была прекрасным местом для прогулок обитателей ханского дома. К слову, существует еще одно предание о назначении Соколиной башни: говорилось, что с верхней ее площадки жительницы Гарема любовались панорамой окрестностей и торжественными церемониями, происходившими на Дворцовой площади. Вероятно, такому объяснению послужило близкое соседство Соколиной башни с Гаремом: здание примыкает к стене Гаремного дворика, который соединен с Персидским садом широкой калиткой в стене.

There was a special staff in the court that took care of falcons and accompanied the khan during hunting.

A spiral staircase leading to a platform that affords a fine view over the city and the Palace is arranged inside the Tower.

The Falcon Tower is located in a corner of the Persian yard — a «recreational area» of the Khan Palace. There was a garden in the yard with paths, pavilions, fountains, baths, and arbors. This lonely part of the Palace surrounded by a high wall was a fine place for walks of inhabitants of the Palace. To a word, there is one more legend about functions of the Falcon Tower: it's written in some sources that inhabitants of the Harem admired a panorama of the vicinities of the Palace and solemn ceremonies that took place at the Palace Square from the top platform of the Tower. Possibly, this opinion emerged due to the neighborhood of the Falcon Tower with the Harem: the building adjoins a wall of the Harem yard that is connected to the Persian garden by a gate in the wall.

Жилые покои

Второй этаж Главного корпуса — это и есть в полном смысле ханский дом: тут располагались жилые покои крымских монархов.

Living Rooms

Properly speaking, the actual “House of Khans” was located on the first floor of the main part of the Palace, as Living Rooms of the Crimean khans were arranged exactly there.

The Palace was not a personal possession, but rather a common family property of the ruling dynasty of Girays. In other words, each of Crimean sov-

Дворец был не личной, а родовой собственностью правящей династии Гераев. Иными словами, любой из крымских государей жил здесь в течение лишь того времени, которое пребывал на троне. Если случалось так, что хан уходил в добровольную либо вынужденную отставку, он собирал из Дворца всё личное имущество и вместе с домочадцами направлялся на жительство в свое собственное имение (большая часть таких поместий находилась вдали от Крыма — на землях нынешней Европейской Турции и Болгарии) либо на эгейский остров Родос. Новый хан, прибывавший ему на смену, заселял своих людей в опустевшие комнаты (вместе с тем, значительная часть населения Дворца состояла в «постоянном штате» и при уходе прежнего правителя начинала обслуживать его преемника).

Сейчас непросто установить, в каких именно помещениях Второго этажа крымские ханы трапезничали, а в каких почивали. Дело в том, что планировка построек испы-

Вид главного входа с окнами второго этажа с Дворцовой площади
A view of the front entrance with windows of the first floor from the Palace Square

reigns lived here only while on duty, and in the case of resignation (either voluntarily or involuntarily one), he gathered all his personal property from the Palace and went to his own estate (the most of such estates were far from Crimea — in the lands of present European Turkey and Bulgaria) together with his household or to the island of Rhodes in the Aegean Sea. A new khan coming into the Palace settled his people in empty rooms (at the same time, a significant part of the inhabitants of the Palace was «a permanent staff» and after the leave of the previous ruler, they continued to serve his successor).

However, it is difficult to find out now which exactly rooms were intended for eating and which for sleeping in the khans' times, as the layout of the first floor has been considerably changed in later periods during preparations of the Palace to visits of Russian emperors. Nevertheless, the decoration of the chambers still keeps a lot of original features like stained-glass windows, ceil-

тала серьезные изменения, связанные в основном с подготовкой Дворца к визитам российских императоров. Однако стены ханских жилищ сохранили многое из своего первоначального колорита: цветные оконные витражи, геометрические узоры потолков, резные каменные каминь.

Другая часть Второго этажа занята помещениями для официальных приемов, среди которых выделяются Посольский зал, Кофейная комната, Золотой кабинет. В 18 столетии в этих стенах проходили встречи ханов с важными визитёрами и представителями иностранных правительств. Здесь же крымские правители и их гости отдыхали после официальных мероприятий (эти великолепные помещения ныне реставрируются и через некоторое время станут доступны для всеобщего обзора).

ings with geometrical ornaments, and stone-carved fireplaces.

Another part of the first floor includes ceremonial halls, among which the Ambassadorial Hall, the Coffee Room and the Golden Cabinet should be particularly noticed. The khans of the 18th century gave audiences to honorable visitors and representatives of foreign governments there. After audiences, the Crimean rulers and their guests rested together there (these magnificent rooms are currently under restoration and will become available for visiting after a certain time).

The interior of the Golden Cabinet built over the Summer Arbor deserves a special attention. Above the

Золотой кабинет
The Golden Cabinet

Особо примечателен интерьер Золотого кабинета, выстроенного над Летней беседкой. В застекленных антресолях над его входом ранее размещался искусно изготовленный миниатюрный «сад» с цветами, деревьями и

птичками (эта композиция, к сожалению, не сохранилась до наших дней). По стеному карнизу кабинета тянется стихотворная надпись, в пышных поэтических фразах восхваляющая хана Крыма Герая и Дворец: «...смотря на живописную картину Дворца, ты подумаешь, что это обитель гурий, что красавицы передали ему прелесть и блеск, что это нитка морского жемчуга, неслышанный алмаз...». Это не просто традиционный восточный дифирамб правителю: Крым Герай вполне заслуживал хвалы за то, что в 60-е годы 18 столетия обновил и роскошно украсил Дворец, пригласив для этого лучших мастеров своей страны.

entrance, a delicate miniature «garden» with hand-made flowers, trees and birds was put in a glazed mezzanine (unfortunately, it has not remained till now). A decorative inscription on the walls gives a poem which glorifies in solemn phrases Qırım Giray and the Palace «...Looking at the picturesque view of the Palace, you would think that it is a dwelling-place of houries; that beauties shared their charm and brilliancy with it; that it is a string of sea pearls, an unwitnessed diamond...». It is not a mere traditional Eastern dithyramb to the ruler: Qırım Giray really deserved praise for that in the 1760s, he had rebuilt and decorated the Palace magnificently, having invited for this purpose the best artists of the country.

Дюрбе Диляры-бикеч

Скрытый деревьями садовых террас, мавзоль Диляры-бикеч доступен обзору с территории Дворца лишь из арочного проема Бахча-Капы (Южных ворот). Над входом в дюрбе ранее была вмурована плита с лаконичной надписью: «Молитва за упокой души усопшей Диляры-бикеч». Это же имя встречалось и в надписях на Зеленой мечети, стоявшей некогда неподалеку от Дворца. Стоит полагать, что личность, которой были посвящены два прекрасных здания в ханской столице (а если верить преданиям — то и сам «Фонтан слёз») была в высшей степени выдающейся.

К сожалению, не сохранилось никаких сведений о личности Диляры-бикеч. Известно лишь, что она была похоронена в 60-х годах 18 столетия, в правление Крыма Герая, да титул «бикеч» указывает на ее высокий статус (бикечами в Крыму называли старших придворных распорядительниц, которых при ханском дворе могло быть до четырех).

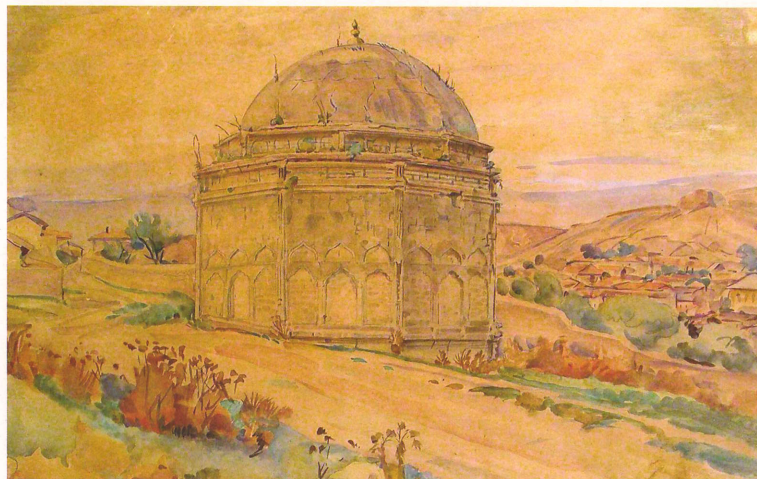
Конечно же, столь заметная особа была наверняка хорошо знакома жителям Бахчисарая времен Крыма Герая, но уже к 19 столетию всякая память о реальной

Dürbe of Dilâra bikeç

Hidden by the leafage of the Garden Terraces, the Mausoleum of Dilâra bikeç could be seen in full from the only place in the Palace: the arch of the Southern Gate. A laconic inscription «Pray for the soul of the deceased Dilâra» was placed above the entrance into the Mausoleum in the past. The same name was mentioned in inscriptions on the Green Mosque which faced the Khan Palace from the opposite hill slope. The women, whom two fine buildings (and, if the legends are true, also the famed «Fountain of Tears») in the state capital were devoted to should be really an outstanding person.

Unfortunately, no reliable information about Dilâra bikeç has been found in historical sources. It is known only that she was buried in the 1760s, when Qırım Giray ruled, and her title *bikeç* seems to point at her high position in the court hierarchy (*bikeç* were female court housekeepers of a higher rank, and a khan could have up to 4 *bikeçes* at the court).

женщине полностью исчезла, уступив место легендам. Местные жители, а вслед за ними и гости-литераторы перенесли в бахчисарайские декорации распространенное во многих странах повествование о влюбленном правителе и его безвременно почившей возлюбленной. Так возникла романтическая легенда о погубленной ревнивыми соперницами красавице Диляре, которую хан, безутешно скорбя об утрате, приказал похоронить в особом мав-

Certainly, people of the khans' epoch knew such an important woman well, but already in the 19th century any reliable memories about her real personality had completely disappeared being replaced by legends. Local residents followed by writers who visited Bakhchisaray transferred the world-wide-spread topic of the Loving Ruler and his Untimely Died Beloved to the Bakhchisaray scenery. The local legend told the story about khan Qırım Giray who built a mausoleum

zolee. Многочисленные легенды «узнавали» в Диляре-бикеч то польку Марию Потоцкую, то грузинку, то черкешенку...

Если мы попытаемся восстановить истинный исторический портрет Диляры, то вернее всего будет видеть в ней весьма заслуженную и прославившуюся своим благочестием женщину — ведь не случайно она была похоронена с особым религиозным благоговением, в отдельном мавзолее. Одна из ее заслуг, в частности, заключалась в возведении Зеленой мечети (в этом Диляра-бикеч следовала обычаю знатных обитательниц Дворца жертвовать средства на культовые здания). Едва ли Диляра с ее важным титулом придворной распорядительницы была столь юной особой, как ее рисуют легенды.

Впрочем, даже несмотря на эти предположения, образ Диляры остается весьма неясным, а прекрасный мавзолей, хранящий ее прах, до сих пор пребывает в числе загадок Ханского Дворца.

Дюрбе Диляры-бикеч. Акварель К. Богаевского
The Durbe of Dilâra-bikeç. A painting by K. Bohajewski

and a fountain in commemoration of his beloved spouse Dilâra bikeç, poisoned by a jealous women of the Harem. Different versions of the legend identify Dilâra bikeç as a noble Pole Maryja Potocka, either as a Georgian or Circassian woman...

If we try to restore the true historical portrait of Dilâra, than it will be reasonable to imagine her as a honored and devout woman — it is not by chance that she has been buried with a special religious awe in a separate mausoleum. In particular, one of her merits was the construction of the Green Mosque (Dilâra bikeç followed the custom of noble women of the Palace to contribute funds to cult buildings). Taking into account her high position at the court it looks more trustworthy that she was buried rather at a respectable age, than in young, as the legends state.

However, even despite of these assumptions, image of Dilâra remains rather vague, and the fine Mausoleum, which keeps her burial, stays among riddles of the Khans Palace till now.

Автор: *Олекса Гайворонский*

Главный редактор: *Евгений Садовников*

Фотографии: *Константин Эрлих, Олекса Гайворонский*

Корректор: *Надежда Некрасова*

Оригинал-макет: *Инна Иваненко*

Переводчик: *Галина Ныrkова*

English translation by Galina Nyrkova

ХАНСКИЙ ДОМ. Фотоальбом / Автор: О. Гайворонский. — Киев: «Энергия плюс», 2004. — 56 стр.: илл. — Текст — рус., перев. англ.

ISBN 966-96362-2-1

© Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник, 2004

© тексты О. Гайворонский, 2004

© дизайн ООО «Энергия плюс», 2004

© фото К. Эрлих, О. Гайворонский, 2004; БГИКЗ, 2004

Подписано в печать 24.09.2004г. Формат 100x70/16
Бумага мелованная. Гарнитура Петербург. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 4.98. Усл. печ. л. 4.55. Тираж 1000 экз.

ООО «Энергия плюс». Киев. 2004
Тел. (+38 044) 247-19-02, (+38 067) 945-03-05
Свидетельство о внесении в Государственный реестр субъекта
издательской деятельности ДК № 1334

*Бахчисарайский государственный
историко-культурный заповедник*

*The Bakhchisaray Historical
& Cultural State Preserve*

www.hansaray.org.ua